

роскеbook

ДЖОНАТАН САФРАН
ФОР

*Жутко громко
& запредельно близко*

Джонатан Сафран Фоер
Жутко громко и запредельно близко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6298048

Жутко громко и запредельно близко / Джонатан СафранФоер; [пер. с англ. В. Арканова]: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-69109-8

Аннотация

Роман Фоера «Жутко громко и запредельно близко» – это трогательная, глубокая, искренняя и щемящая сердце история, рассказанная девятилетним мальчиком, отец которого погиб в одной из башен-близнецов 11 сентября 2001 года.

Мировая премьера фильма, снятого по книге, с Сандрой Буллок и Томом Хэнксом в главных ролях, состоялась в январе 2012 года.

Содержание

Ты чё?	5
Почему я не там, где ты 21/5/63	15
Гуголплекс	20
Мои чувства	50
Единственное животное	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Жутко громко и запредельно близко

Jonathan Safran Foer «EXTREMELY LOUD AND INCREDIBLY CLOSE»

Copyright © 2007 by Jonathan Safran Foer

© Арканов В., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Николь, воплощающей мое представление о прекрасном

Ты чё?

Что бы придумать с чайником? Что если бы его носик открывался и закрывался под напором пара и был бы тогда как рот: он мог бы насвистывать зыкинские мелодии, или декламировать Шекспира, или раскалываться со мной за компанию? Я мог бы изобрести чайник, читающий голосом папы, чтобы наконец-то заснуть, или даже набор чайников, подпевающих вместо хора в *Yellow Submarine* – это песня «Битлз», что значит «жучки», а я жучков обожаю, потому что энтомология – один из моих *raisons d'être*, а это – французское выражение, которое я знаю. Или еще одна фишка: я мог бы научить анус разговаривать, когда пержу. А если б захотел отмочить жуткую пенку, то научил бы его говорить «Не я!» во время запредельно ядерных залпов. А если б я дал запредельно ядерный залп в Зеркальном зале, который в Версале, который рядом с Парижем, который, само собой, во Франции, то мой анус мог бы сказать: «*Ce n'étais pas moi!*»

Что бы придумать с микрофончиками? Что, если бы мы их проглатывали и они воспроизводили бы бой наших сердец в мини-динамиках из карманов наших комбинезонов? Катишься вечером по улице на скейтборде и слышишь сердцебиение всех, а все слышат твое, по принципу гидролокатора. Одно непонятно: интересно, станут ли наши сердца биться синхронно, по типу того, как у женщин, которые живут вместе, месячные происходят синхронно, о чем я знаю, хотя, по правде, не хочу знать. Полный улет – и только в одном отделении больницы, где рожают детей, будет стоять звон, как от хрустальной люстры на моторной яхте, потому что дети не успеют сразу синхронизировать свое сердцебиение. А на финише нью-йоркского марафона будет грохотать, как на войне.

И еще: сколько раз бывает, когда надо аварийно эвакуироваться, а своих крыльев у людей нет, во всяком случае пока, а что если придумать спасательный жилет из птичьего корма?

Ладно.

Мое первое занятие джиу-джитсу состоялось три с половиной месяца назад. Самообороной я жутко заинтересовался по понятным причинам, а мама решила, что мне будет полезна еще одна физическая нагрузка в дополнение к тамбуринованию, поэтому мое первое занятие джиу-джитсу состоялось три с половиной месяца назад. В группе было четырнадцать детей, и на всех – клевенькие белые робы. Мы порепетировали поклоны, а потом сели по-турецки, а потом Сенсей Марк попросил меня подойти. «Ударь меня между ног», – сказал он. Я закомплексовал. «*Excusez-moi?*» – сказал я. Он расставил ноги и сказал: «Я хочу, чтобы ты изо всех сил врезал мне между ног». Он опустил руки по бокам, сделал глубокий вдох и закрыл глаза, – это убедило меня, что он не шутит. «Бабай», – сказал я, но про себя подумал: *Ты чё?* Он сказал: «Давай, боец. Лиши меня потомства». – «Лишить вас потомства?» Глаза он не открыл, но здорово раскололся, а потом сказал: «У тебя все равно не получится. Зато вы сможете посмотреть, как хорошо подготовленное тело способно амортизировать удар. А теперь бей». Я сказал: «Я пацифист», а поскольку большинство моих сверстников не знают значения этого слова, обернулся и сообщил остальным: «Я считаю, что лишать людей потомства – неправильно. В принципе». Сенсей Марк сказал: «Могу я задать тебе вопрос?» Я обернулся к нему и сказал: ««Могу я задать тебе вопрос?» – это уже вопрос». Он сказал: «Разве ты не мечтаешь о том, чтобы стать мастером джиу-джитсу?» «Нет», – сказал я, хотя о том, чтобы возглавить ювелирный бизнес нашей семьи, я тоже перестал мечтать. Он сказал: «А хочешь знать, когда ученик джиу-джитсу становится мастером джиу-джитсу?» «Я все хочу знать», – сказал я, хотя и это уже неправда. Он сказал: «Ученик джиу-джитсу становится мастером джиу-джитсу, когда лишает своего мастера потомства». Я сказал: «Обалдеть». Мое последнее занятие джиу-джитсу состоялось три с половиной месяца назад.

Как же мне сейчас не хватает моего тамбурина, потому что даже после всего у меня на сердце остались гири, а на нем сыграешь – и гири кажутся легче. Мой самый коронный номер на тамбурине – «Полет шмеля» композитора Николая Римского-Корсакова, его же я закачал и на свой мобильник, который у меня после смерти папы. Это довольно удивительно, что я исполняю «Полет шмеля», потому что в некоторых местах там надо бить запредельно быстро, а мне это пока жутко трудно, потому что у меня еще запястья недоразвиты. Рон предложил мне купить установку из пяти барабанов. Деньгами, само собой, любовь не купишь, но я, на всякий случай, спросил, будут ли на ней тарелки Zildjian. Он сказал: «Все, что захочешь», а потом взял с моего стола йо-йо и начал «прогуливать пса»¹. Я знал, что он хотел подружиться, но разозлился запредельно. «Йо-йо *moi!*» – сказал я, отбирая у него йо-йо. Но по правде мне хотелось ему сказать: «Ты мне не папа и никогда им не будешь».

Прикольно, да, как число покойников растет, а размер земли не меняется, и значит ли это, что скоро в нее вообще никого не похоронишь, потому что кончится место? На мое девятилетие в прошлом году бабушка подарила мне подписку на *National Geographic*², который она называет «Национальная география». Еще она подарила мне белый пиджак, потому что я ношу только белое, но он оказался великоват, так что его надолго хватит. Еще она подарила мне дедушкин фотик, который мне нравится по двум причинам. Я спросил, почему он не забрал его с собой, когда от нее ушел. Она сказала: «Может, ему хотелось, чтобы он достался тебе». Я сказал: «Но мне тогда было минус тридцать лет». Она сказала: «Все равно». Короче, самое крутое, что я вычитал в *National Geographic*, это что число людей, живущих сейчас на земле, больше, чем число умерших за всю историю человечества. Другими словами, если все одновременно захотят сыграть «Гамлета», кому-то придется ждать, потому что черепов на всех не хватит!

Что если придумать небоскребы для покойников и строить их вглубь? Они могли бы располагаться прямо под небоскребами для живых, которые строят ввысь. Людей можно было бы хоронить на ста этажах под землей, и мир мертвых оказался бы прямо под миром живых. Иногда я думаю, было бы прикольно, если бы небоскребы сами ездили вверх и вниз, а лифты стояли бы на месте. Хотите вы, допустим, подняться на девяносто пятый этаж, нажимаете на кнопку 95, и к вам подъезжает девяносто пятый этаж. Это может жутко пригодиться, потому что если вы на девяносто пятом этаже, а самолет врезался ниже, здание само опустит вас на землю, и никто не пострадает, даже если спасательный жилет из птичьего корма вы забыли в этот день дома.

Я всего два раза в жизни был в лимузине. Первый раз был ужасный, хотя сам лимузин был прекрасный. Дома мне не разрешают смотреть телек, и в лимузинах тоже не разрешают, но все-таки было клево, что там оказался телек. Я спросил, не можем ли мы проехать мимо школы, чтобы Тюбик и Минч посмотрели на меня в лимузине. Мама сказала, что школа не по пути и что нам нельзя опоздать на кладбище. «Почему нельзя?» – спросил я, что, по-моему, было хорошим вопросом, потому что, если вдуматься, то действительно – почему нельзя? Хоть сейчас это уже не так, раньше я был атеистом, то есть не верил в вещи, не доказанные наукой. Я считал, что, когда ты умер, – ты полностью мертв, и ничего не чувствуешь, и сны тебе не снятся. И не то чтобы теперь я поверил в вещи, не доказанные наукой, – вовсе нет. Просто теперь я верю, что это жутко сложные вещи. И потом, по-любому, – это ж не так, как если бы мы его по-настоящему хоронили.

Хотя я очень старался, чтобы меня это не доставало, меня стало доставать, что бабушка постоянно меня трогает, поэтому я перелез на переднее сиденье и стал тыкать водителя в

---

¹ Одна из «фигур» в игре в йо-йо, когда катушка раскручивается и закручивается параллельно полу, как если бы была поводком, который потянула собака. (Здесь и далее примечания переводчика).

² Популярный иллюстрированный ежемесячный журнал о странах и континентах.

плечо, пока он на меня не покосился. «Какова. Твоя. Функция», – спросил я его голосом Стивена Хокинга³.

«Чего-чего?» – «Он хочет познакомиться», – сказала бабушка с заднего сиденья. Он протянул мне свою визитку.

ДЖЕРАЛЬД ТОМПСОН

Лучезарный Лимузин

обслуживает пять

муниципальных округов

(212) 570-7249

Я дал ему свою визитку и произнес: «Приветствую. Джеральд. Я. Оскар». Он спросил, почему я так разговариваю. Я сказал: «Центральный процессор Оскара – искусственная нейронная сеть. Это обучающийся компьютер. Чем больше он вступает в контакт с людьми, тем больше он познает». Джеральд сказал: «О» и потом добавил «Кей». Трудно было понять, понравился я ему или нет, поэтому я сказал: «У вас темные очки на сто долларов». Он сказал: «Сто семьдесят пять». – «Вы много ругательств знаете?» – «Кое-какие знаю». – «Мне не разрешают ругаться». – «Облом». – «Что значит «облом»? – «Досада». – «Вы знаете «какашка»?» – «А это разве не ругательство?» – «Нет, если сказать задом наперед – «акшак». – «Вот оно что». – «Упож енм ижилоп, акшак». Джеральд затряс головой и немного раскололся, но не по-плохому, то есть не надо мной. «Мне даже «кисонька» нельзя говорить, если только речь не идет о настоящей кошке⁴. Клевые перчатки для вождения». – «Спасибо». А потом я кое о чем подумал и поэтому сказал: «*Между прочим*, если сделать *жутко* длинные лимузины, то тогда водители вообще не понадобятся. Люди будут заходить в них сзади, проходить по салону и выходить спереди – и как раз там, куда хотели попасть. В данном случае – на кладбище». – «А я бы целыми днями смотрел бейсбол». Я похлопал его по плечу и сказал: «Если заглянуть в словарь на слово «оборжацца», там будет ваша фотография».

На заднем сиденье мама сжимала что-то внутри своей сумочки. Я это заключил, потому что видел на ее руке мускулы. Бабушка вязала белые варежки, раз белые – значит, для меня, хотя было еще не холодно. Мне хотелось спросить у мамы, что она сжимает и почему она это прячет. Помню, как я подумал, что даже если буду умирать от гипотермии, *ни за что на свете* не надену эти варежки.

«Если на то пошло, – сказал я Джеральду, – можно изготовить запредельно длинный лимузин, чтобы задняя дверца была напротив маминой ПЗ, а передняя – у входа в твой мав-

---

³ Знаменитый ученый-астрофизик, культовая фигура в науке. После того как его разбил паралич, общается с помощью компьютерного устройства, которое делает его голос похожим на голос роботов из научно-фантастических фильмов.

⁴ В английском языке один из многочисленных эвфемизмов вагины.

золей, лимузин длиною в жизнь». Джеральд сказал: «Да, но если у всех будет по такому лимузину, никто никогда ни с кем не встретится, правильно?» Я сказал: «Ну и?»

Мама все сжимала, бабушка все вязала, а я сказал Джеральду: «Встречаются на парижской улице две курицы», – мне хотелось, чтобы он по-настоящему раскололся, потому что, если бы у меня получилось по-настоящему его расколоть, гири на сердце стали бы чуть-чуть полегче. Он ничего не сказал, может, просто потому, что не услышал, поэтому я сказал: «Я *сказал*: на парижской улице встречаются две курицы». – «А?» – «Одна нормальная, а у другой две головы и восемь крыльев. И та, которая нормальная, говорит: *Bonjour, ma tante*». – «Ну и что?» – «Это шутка такая. Рассказывать следующую или вы тоже *ta tante*?» Он посмотрел на бабушку в зеркальце и сказал: «Что он говорит?» Она сказала: «Его дедушка любил животных больше, чем людей». Я сказал: «Дошло? *Мутант*?»

Я перелез назад, потому что вести одновременно разговор и машину небезопасно, особенно на хайвее, где мы как раз и находились. Бабушка опять принялась меня трогать, что меня доставало, хоть я этого и не хотел. Мама сказала: «Лапуль», и я сказал: «*Oui*», и она сказала: «Это ты дал запасной ключ от нашей квартиры почтальону?» Тогда меня удивило, что она вдруг затеяла этот разговор, потому что он вообще ни к чему не имел отношения, но теперь я думаю, что ей просто нужно было заговорить о чем-нибудь неочевидном. «Не почтальону, а почтальонше». Она кивнула, но как-то рассеянно, и спросила, давал ли я ключ почтальонше. Я кивнул утвердительно, потому что никогда не обманывал ее до всего происшедшего. Мне было незачем. «С какой стати?» – спросила она. Ну, я и сказал: «Стэн...» А она сказала: «Кто?» А я сказал: «Стэн, наш швейцар. Иногда он уходит пить кофе, и тогда некому принимать бандероли, а я хочу быть уверенным, что не пропущу ни одной, ну, я и подумал: если у Алиши...» – «У кого?» – «Это почтальонша. Если у нее будет наш ключ, она сможет заносить посылки прямо в квартиру». – «Ключи существуют не для того, чтобы раздавать их посторонним». – «К счастью, Алиша не посторонняя». – «У нас в квартире много ценных вещей». – «Я знаю. Некоторые – просто суперценные». – «Иногда люди, о которых думаешь хорошо, на поверку оказываются не такими хорошими, понимаешь? А вдруг она украдет что-нибудь из твоих вещей?» – «Не украдет». – «А вдруг?» – «Ну, не украдет она». – «Обрати внимание: ключ от своей квартиры она тебе почему-то не предложила». Было ясно, что она на меня сердится, но я не понимал, за что. Я не сделал ничего плохого. А если и сделал, то не знал, что именно. И уж, конечно, не нарочно.

Я переместился на бабушкину половину лимузина и сказал маме: «Зачем мне ключ от ее квартиры?» Ей было ясно, что я застегиваюсь на все «молнии» внутри самого себя, а мне было ясно, что она меня ни капельки не любит. Я знал правду, и правда состояла в том, что если бы она могла выбирать, то мы бы сейчас направлялись на мои похороны. Я посмотрел на люк лимузина и представил, как выглядел мир до изобретения потолков, отчего у меня возник вопрос: что правильнее – считать, что у пещеры нет потолка или что там нет ничего, кроме потолка? «В другой раз, пожалуйста, спрашивай сначала у меня, договорились?» – «Не сердись», – сказал я и, перегнувшись через бабушку, пощелкал замком на дверце. «Я не сержусь», – сказала она. «Ни капельки?» – «Нет». – «Ты меня не разлюбила?» Сейчас был явно не самый подходящий момент, чтобы сообщить ей про запасные ключи, которые я заказал для разносчика пиццы из «Пиццы хат», и для служащего *UPS*⁵, и еще для группы ребят из «Гринписа», чтобы они могли оставлять мне статьи про ламантинов и других животных, находящихся под угрозой исчезновения, пока Стэн заправляется кофе. «Я тебя еще никогда так сильно не любила».

«Мам?» – «Да». – «Есть вопрос». – «Слушаю». – «Что ты сжимаешь в сумочке?» Она вынула руку и разжала кулак, и там было пусто. «На автомате», – сказала она.

---

⁵ Одна из частных почтовых компаний США, экспресс-почта.

Несмотря на запредельно грустный день, она была ну очень красивая. Я искал способ как-нибудь ей об этом сказать, но все мои способы выглядели дурацкими и неправильными. На ней был браслет, который я для нее изготовил, и от этого я себя чувствовал на сто долларов. Я люблю изготавливать для нее украшения, потому что это ее радует, а радовать ее – еще один из моих *raisons d'être*.

Сейчас это уже не так, но очень долгое время я мечтал о дне, когда смогу возглавить ювелирный бизнес нашей семьи. Папа мне постоянно говорил, что я слишком умен для розничной торговли. Я никогда не мог этого понять, потому что он был умнее меня, а значит, если я был слишком умен для розничной торговли, то он был *тем более* слишком умен для розничной торговли. Я сказал ему об этом. «Во-первых, – сказал он, – я не умнее тебя, а просто больше знаю, поскольку я старше. Родители всегда знают больше детей, зато дети всегда умнее родителей». – «Если только ребенок не дегенератор», – сказал я. На это ему нечего было возразить. «Ты сказал «во-первых», а что во-вторых?» – «Во-вторых, если я такой умный, то что я делаю в розничной торговле?» – «Верно», – сказал я. Но тут же кое-что сообразил: «Погоди, ведь наш ювелирный бизнес не мог бы быть семейным, если бы никто в семье им не занимался?» Он сказал: «Конечно, мог бы. Просто им владела бы другая семья». Я спросил: «А как же наша семья? Открыла бы новый бизнес?» Он сказал: «Мы бы нашли себе занятие». Я думал об этом в мой второй раз в лимузине, когда мы с жильцом ехали выкапывать пустой папин гроб.

Крутейшая игра, в которую мы с папой иногда играли по воскресеньям, называлась «Разведывательная экспедиция». Иногда «Разведывательные экспедиции» были жутко простые, как когда он сказал, чтобы я принес ему что-нибудь из каждого десятилетия двадцатого века (я проявил сообразительность и принес камень), а иногда запредельно сложные и могли тянуться неделями. В нашу последнюю экспедицию, которая так и не кончилась, он дал мне карту Центрального парка. Я сказал: «И?» Он сказал: «Что «и»?» Я сказал: «Подскажи ключ». Он сказал: «Кто сказал, что он есть?» – «Ключ всегда есть». – «Это наукой не доказано». – «Значит, никакого ключа?» Он сказал: «Если только отсутствие ключа не ключ». – «Отсутствие ключа – это ключ?» Он пожал плечами, как будто понятия не имел, о чем я его спрашиваю. Я это обожал.

Я ходил по парку весь день, надеясь найти какой-нибудь намек на какую-нибудь подсказку, но это было типа «найди то – не знаю что». Я подходил к незнакомым людям и спрашивал у них, потому что иногда папа устраивал «Разведывательные экспедиции» с таким расчетом, чтобы мне приходилось заговаривать с незнакомыми. Но все, к кому я подходил, были типа *Ты чё?* Я надеялся найти ключ у резервуара⁶. Прочел все объявления на всех фонарных столбах и деревьях. Изучил описания животных в зоопарке. Я даже упросил пускателей воздушных змеев смотать лески, чтобы обследовать змеев вблизи, хотя и понимал, что шансов немного. Но с папой никогда не известно. Я не нашел ни одной подсказки, прямо хоть плачь, если только отсутствие подсказок не было ключом. Могло ли отсутствие подсказок быть ключом?

В тот вечер мы заказали на ужин глютен Генерала Цао⁷, и я обратил внимание на то, что папа ест вилок, хотя он прекрасно умеет палочками. «Погоди!» – сказал я и встал. Я указал на его вилок. «Эта вилок – ключ?» Он пожал плечами, из чего я заключил, что вилок – важнейший ключ. Я подумал: *Вилка, вилок*. Я побежал в свою лабораторию и извлек из коробки в шкафу металлодетектор. Поскольку вечером мне не разрешают находиться в парке одному, со мной пошла бабушка. Я начал от входа на Восемьдесят шестой улице и стал дви-

---

⁶ Небольшое озеро в Центральном парке, хранилище пресной воды.

⁷ Вегетарианская модификация популярного китайского блюда Курица Генерала Цао (General Tso's Chicken), в котором вместо кусочков курицы в кисло-сладком остром тесте запекают глютен.

гаться жутко ровными линиями, как если бы был одним из тех мексиканцев, которые стригут лужайку: мне важно было ничего не пропустить. Я знал, что должны гудеть насекомые, потому что было лето, но я их не слышал, потому что был в наушниках. Я был один на один с металлом под землей.

Каждый раз, когда гудки учащались, я просил бабушку посветить на землю фонариком. Затем я надевал белые перчатки, вынимал лопатку из своего набора и копал, но жутко осторожно. Как только я находил какой-нибудь предмет, я брал кисточку и смахивал с него землю, как настоящий археолог. Хотя в тот вечер мне удалось обследовать лишь маленький участок парка, я отрыл квотер⁸, и несколько скрепок, и что-то похожее на цепочку от лампы, за которую дергают, чтобы зажечь свет, и магнит на холодильник в форме суши, про которые я знаю, хотя лучше бы не знал. Я сложил все вещественные доказательства в пакет и пометил на карте место, где они были найдены.

Придя домой, я изучил вещественные доказательства в моей лаборатории под микроскопом, каждое в отдельности: погнутая столовая ложка, несколько винтиков, ржавые ножницы, игрушечная машинка, ручка, кольцо для ключей, сломанные очки кого-то с запредельно фиговым зрением...

Я принес это папе, который читал «Нью-Йорк Таймс» за столом на кухне, помечая ошибки красной ручкой. «Вот что я нашел», – сказал я, сталкивая мою кисоньку со стола подносом с вещественными доказательствами. Папа заглянул в него и кивнул. Я спросил: «Ну и?» Он пожал плечами, как будто понятия не имел, о чем я говорю, и уткнулся в газету. «Скажи хотя бы, тепло или холодно». Бакминстер замурлыкал, а папа снова пожал плечами. «Как же я узнаю, что прав, если ты мне ничего не подсказываешь?» Он обвел в кружочки какие-то слова в статье и сказал: «К проблеме можно подойти и иначе: как ты узнаешь, что неправ?»

Он встал, чтобы налить себе воды, а я изучил его пометки в газете, потому что с папой никогда не известно. Статья была про то, как исчезла одна девушка и как все считали, что ее убил конгрессмен, который с ней трахался. Через пару месяцев ее тело нашли в Рок Крик парке, который в Вашингтоне, но к тому времени многое изменилось, и про нее все забыли, кроме ее родителей.

заявлении, прочитанном сотням собравшихся представителей прессы в импровизированном медиацентре на задворках их дома, отец мисс Леви снова выразил непоколебимую уверенность в том, что его дочь найдут. **«Мы не прекратим** поиск, пока не будем иметь достаточных оснований прекратить поиск, то есть до возвращения Чандры». В ходе последовавшей за этим краткой сессии вопросов и ответов корреспондент газеты El País попросил г-на Леви уточнить, имел ли он в виду любое возвращение или только благополучное. От избытка чувств г-н Леви был не в состоянии ответить, и микрофон взял его адвокат. «Мы продолжаем надеяться и молимся о благополучии Чандры, и мы сделаем все, от нас

Это не была ошибка! Это была подсказка мне!

В следующие три дня я ходил в парк каждый вечер. Я отрыл заколку для волос, и рулон пенсов, и чертежную кнопку, и вешалку, и девятивольтовую батарейку, и складной нож Swiss Army, и миниатюрную рамку, и бирку собаки по кличке Турбо, и квадратик алюминиевой фольги, и колечко, и лезвие бритвы, и жутко старые карманные часы, остановившиеся в 5:37 (только я не знал, утра или вечера). Но я по-прежнему не мог сообразить, что все это значит. Чем больше вещей я находил, тем меньше понимал.

---

⁸ Монета достоинством в двадцать пять центов.

Я разложил карту на столе в гостиной и придавил ее концы баночками V8⁹. Точки, которыми я помечал места своих находок, были похожи на звезды галактики. Я соединил их, как астролог, и сощурился, как китаец, и увидел, что получилось слово «хрупкий». Хрупкий. К чему бы оно могло относиться? К Центральному парку? К природе? К вещам, которые я нашел? Чертежную кнопку хрупкой не назовешь. А погнутую столовую ложку? Я все стер и соединил точки по-другому, чтобы получилось «дверь». Хрупкий? Дверь? Потом я вспомнил про *porte*, а это тоже дверь, только, само собой, по-французски. Я все стер и соединил точки так, чтобы получилось *porte*. Тут мне было озарение, что точки можно соединить в «киборг», и в «утконос», и в «сиськи», и даже в «Оскар», если жутко закосить под китайца. Я мог соединять их, как хочу, а значит, был ничуть не ближе к разгадке. А теперь мне уже никогда не узнать, что я искал. И это еще одна причина, из-за которой у меня бессонница.

Ладно.

Мне не разрешают смотреть телек, зато разрешают брать напрокат документальные фильмы, одобренные для моего возраста, а читать я могу все, что захочу. Моя любимая книга – «Краткая история времени»¹⁰, хотя я ее еще не закончил, потому что там запредельно сложная математика, а мама не помогает. Больше всего мне нравится начало первой главы, там, где Стивен Хокинг рассказывает об известном ученом, который читал лекцию про то, как Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вращается вокруг Солнечной системы, и все такое. Потом женщина из последних рядов подняла руку и сказала: «Все, что вы тут нам наговорили, – чепуха. На самом деле мир – это плоская тарелка, которая стоит на спине гигантской черепахи». Тогда ученый спросил ее, на чем стоит черепаха. И она сказала: «Черепаха – на другой черепахе, та на третьей, и так до самого низа!»

Я обожаю эту историю, потому что она показывает, до чего люди бывают невежественными. И еще потому, что я обожаю черепах.

Через несколько недель после наихудшего дня я стал писать кучу писем. Не знаю, почему, но это было почти единственное занятие, от которого гири на сердце казались чуточку легче. Что странно, вместо обычных марок я зачем-то наклеивал на конверты марки из моей коллекции, включая ценные, и теперь думаю, что просто хотел избавиться от вещей. Первым делом я написал Стивену Хокингу. Я наклеил на его конверт марку с изображением Александра Грэхема Белла¹¹.

*Уважаемый Стивен Хокинг!
Можно я буду вашим протеже?
Спасибо, Оскар Шелл*

Я думал, он не ответит, потому что он исключительный человек, а я самый обыкновенный. Но однажды я вернулся домой из школы, и Стэн протянул мне конверт со словами: «Вам письмо!» голосом из «Америки онлайн»¹², которому я его научил. Я пробежал 105 ступеней до нашей квартиры, и влетел в свою лабораторию, и залез в кладовку, и включил карманный фонарик, и вскрыл конверт. Письмо, само собой, было напечатано, потому что Стивен Хокинг не может пользоваться руками, потому что он болен боковым амиотрофическим склерозом, о чем мне известно, к сожалению.

---

⁹ Название сока из восьми овощей.

¹⁰ «Краткая история времени: от большого взрыва до черных дыр» – книга Стивена Хокинга.

¹¹ Физик, изобретатель телефона.

¹² Один из наиболее популярных в США интернет-провайдеров. Приход каждого электронного сообщения сопровождается в нем характерным восклицанием электронного голоса «You've got mail!» («Вам письмо!»), ставшего благодаря этому расхожим.

Спасибо за Ваше письмо. Ввиду огромного количества получаемой корреспонденции я не в состоянии вести личную переписку. Но знайте, что я прочитываю и сохраняю все письма в надежде, что когда-нибудь смогу ответить на каждое так, как автор того заслуживает. До той поры искренне Ваш, Стивен Хокинг

Я позвонил маме на мобильник. «Оскар?» – «Еще не было гудков, а ты уже ответила». – «Все в порядке?» – «Мне необходим ламинатор». – «Ламинатор?» – «Есть одна запредельно важная вещь, которую надо сохранить».

Папа всегда укладывал меня спать, и рассказывал крутейшие истории, и мы вместе читали «Нью-Йорк Таймс», а иногда он насвистывал *I am the Walrus*¹³, потому что это его любимая песня, хоть он так и не смог объяснить, о чем она, что обидно. Что было круто, так это как он всегда находил ошибки в статьях, которые мы читали. Иногда это были грамматические ошибки, иногда ошибки по географии или по фактам, а иногда статья просто не давала полной картины. Я обожал, что мой папа умнее целой «Нью-Йорк Таймс», и что можно чувствовать щекой волосы под майкой на его груди, и что он всегда пахнет бритьём, даже в конце дня. Рядом с ним мой мозг успокаивался. Мне ничего не нужно было изобретать.

Когда в тот вечер папа укладывал меня спать – в вечер накануне наихудшего дня, – я спросил, правда ли, что мир – это плоская тарелка, которая стоит на спине гигантской черепахи. «Ты это всерьез?» – «Нет, ну а почему тогда Земля остается на месте, а не падает сквозь галактику?» – «Неужели этого мальчика зовут Оскар? Не украл ли его мозг инопланетный пришелец для каких-нибудь экспериментов?» Я сказал: «Мы не верим в инопланетян». Он сказал: «Земля *падает* сквозь галактику. И ты, старина, об этом знаешь. Она постоянно падает в направлении Солнца. В этом и состоит движение по орбите». Тогда я сказал: «Само собой, но зачем тогда гравитация?» Он сказал: «Что значит: зачем гравитация?» – «С какой целью?» – «Кто сказал, что должна быть цель?» – «Никто, в сущности». – «Это был риторический вопрос». – «Что это значит?» – «Это значит, я задал его не для того, чтобы получить ответ, а для того, чтобы подчеркнуть свою мысль». – «Какую мысль?» – «Что не во всем обязательно должна быть цель». – «Но если нет цели, зачем тогда вообще существует галактика?» – «Потому что этому благоприятствуют обстоятельства». – «А почему тогда твой сын?» – «Потому что мы с мамой занимались любовью, и один из моих сперматозоидов оплодотворил одну из ее яйцеклеток». – «Я щас срыгну». – «А я-то думал, ты взрослый». – «Нет, чего я не понимаю, так это почему мы существуем? Не как, а почему». Я наблюдал, как светлячки его мыслей движутся по орбите вокруг его головы. Он сказал: «Мы существуем, потому что мы существуем». – «Ты чё?» – «Мы можем сколько угодно воображать галактики, не похожие на нашу, но иных у нас нет».

Я понял, что он пытается сказать, и не стал спорить, но и не согласился. Даже когда ты атеист, это еще не значит, что тебе не может хотеться, чтобы у вещей была цель.

Я включил свой коротковолновый приемник, и папа помог мне настроиться на волну, где кто-то говорил по-гречески, что было клево. Мы ни слова не понимали, но лежали, глядя в потолок, обклеенный светящимися созвездиями, и слушали. «Твой дед говорил по-гречески», – сказал он. «В смысле, *говорит*», – сказал я. «Именно. Только не с нами». – «Может, мы как раз его сейчас и слушаем». Газетная страница укрывала нас, как одеяло. На ней было фото теннисиста на спине, который, кажется, выиграл, хотя было непонятно, обрадован он или огорчен.

---

¹³ Песня «Битлз».

«Пап?» – «Ау?» – «Можешь что-нибудь рассказать?» – «Легко». – «Только интересное». – «То есть не как обычно». – «Ага». Я придвинулся запредельно близко к нему, так что нос уткнулся в его подмышку. «И ты не будешь меня перебивать?» – «Я постараюсь». – «Потому что иначе трудно рассказывать». – «И достает». – «И достает».

Больше всего я обожал тишину за миг до начала.

«В давние времена был в Нью-Йорке Шестой муниципальный округ». – «Что такое округ?» – «Кто-то обещал не перебивать». – «Да, но как же я пойму твою историю, если не знаю, что такое округ?» – «Это все равно что район. Или несколько районов». – «Но если был шестой, то какие пять остались?» – «Манхэттен, само собой, Бруклин, Квинс, Статен Айленд и Бронкс». – «А я бывал где-нибудь, кроме Манхэттена?» – «Ну, начинается». – «Мне просто интересно». – «Пару лет назад мы с тобой ходили в зоопарк в Бронксе. Помнишь?» – «Нет». – «И еще мы ездили в Бруклин смотреть на розы в ботаническом саду». – «А в Квинсе я когда-нибудь бывал?» – «Сомневаюсь». – «А в Статен Айленде?» – «Нет». – «А Шестой округ *по правде* был?» – «Ты же не даешь мне рассказать». – «Больше не перебиваю. Честное слово».

Когда рассказ кончился, мы снова включили радио и нашли кого-то, кто говорил по-французски. Это было особенно клево, потому что напомнило мне про каникулы, с которых мы недавно вернулись, хотя мне так хотелось, чтобы они никогда не кончились. Потом папа спросил, не уснул ли я. Я сказал, что уснул, потому что знал, что он не любит уходить, пока я не усну, а мне не хотелось, чтобы завтра утром он пошел на работу невыспавшимся. Он поцеловал меня в лоб и пожелал спокойной ночи, и потом я его помню уже в дверях.

«Пап?» – «Что, старина?» – «Ничего».

В следующий раз я услышал его голос, когда было уже завтра и я вернулся домой из школы. Из-за всего происшедшего нас отпустили раньше. Я вообще не напрягся, потому что мама с папой работали в другой части города, а бабушка, само собой, на работу не ходила, так что никому из тех, кого я любил, ничего не угрожало.

Я знаю, что пришел домой ровно в 10:18, потому что у меня привычка все время посматривать на наручные часы. В квартире было как-то слишком пусто и тихо. По дороге на кухню я успел изобрести такой тумблер на входной двери, который бы запускал здоровенное колесо со спицами в гостиной, а оно бы, вращаясь, задевало металлические зубья, свисающие с потолка, и получалась бы красивая мелодия, вроде *Fixing a hole* или *I want to tell you*¹⁴, и вся квартира была бы как одна громаднейшая музыкальная шкатулка.

Несколько секунд я гладил Бакминстера, чтобы показать ему, как я его обожаю, а потом проверил автоответчик. Тогда у меня еще не было мобильного, а перед уходом из школы Тюбик обещал позвонить и сказать, идти ли мне в парк смотреть на его скейтбордистские трюки или мы пойдем смотреть «Плейбой» в магазин, где в проходах не видно, какой журнал ты листаешь, что мне, вообще-то, не очень хотелось, но все-таки.

Сообщение первое. Вторник, 8:52. *Кто-нибудь дома? Алло? Это папа. Если вы дома, возьмите трубку. Я только что звонил в офис, но там никто не подходит. Тут что-то случилось. Я в порядке. Но всех просят оставаться на местах и ждать пожарных. Уверен, что ничего страшного. Я позвоню позже, как только пойму, что к чему. Просто хотел сказать, что жив и чтобы вы не волновались. Скоро позвоню.*

Кроме этого, от него было еще четыре сообщения: одно в 9:12, одно в 9:31, одно в 9:46 и одно в 10:04. Я прослушал их раз, потом другой, а потом, не дав мне времени осознать

¹⁴ Песни «Битлз».

не только того, что я должен делать, но что я должен думать, что чувствовать, – зазвонил телефон.

Было 10:22:27.

Я посмотрел на определитель номера и увидел, что это был он.

Почему я не там, где ты 21/5/63

Моему нерожденному сыну: я не всегда был нем, когда-то я говорил, и говорил, и говорил, и говорил, рта не мог закрыть, безмолвие одолело меня, как рак, это случилось вскоре после моего приезда в Америку, в кафе, я хотел сказать официантке: «Вы сейчас подали мне этот нож совсем как...», но я не смог закончить предложения, ее имя не произнеслось, я еще раз попробовал, оно опять не произнеслось, она была закупорена во мне, как странно, подумал я, как неловко, как горько, как грустно, я достал из кармана ручку и написал на салфетке «Анна», это повторилось два дня спустя, и еще через день, ни о чем, кроме как о ней, я говорить не хотел, это стало происходить регулярно, когда под рукой не оказывалось ручки, я писал ее имя в воздухе, «Анна» – от конца к началу и справа налево, – чтобы собеседник мог прочитать, а говоря по телефону, набирал цифры – 2, 6, 6, 2, – чтобы он услышал то, что сам я был не в состоянии произнести. «И» было следующим словом, которое я потерял, возможно потому, что оно всегда присосеживалось к ее имени, такое коротенькое словечко, такая невосполнимая утрата, вместо него теперь приходилось говорить «амперсанд»¹⁵, ужасно нелепо, а какой выход: «Будьте добры, кофе амперсанд что-нибудь сладкое», – кто согласится на это по своей воле. Слово «хочу» я потерял одним из первых, из чего вовсе не следует, что я перестал хотеть, хотел я даже сильнее, чем прежде, просто мои желания больше нечем было выразить, вместо «хочу» я стал говорить «жажду», «Я жажду две булочки», – говорил я продавцу, но это было не совсем то, смысл моих намерений начал уплывать от меня, как листья, слетевшие с дерева в реку, я был деревом, мир был рекой. Я потерял «ко мне» на вечерней прогулке с собаками, я потерял «славно», пока цирюльник разворачивал меня лицом к зеркалу, я потерял «стыд» – существительное и одновременно сразу все производные от него, вот уж действительно стыдоба. Я потерял «носить», потерял вещи, которые носил: «ежедневник», «карандаш», «карманную мелочь», «бумажник», – я даже «потеря» потерял. Со временем в моем арсенале осталось всего несколько слов, если мне делали приятное, я говорил: «То, что предшествует «пожалуйста», проголодавшись, я показывал себе на живот и говорил: «Я прямо противоположен сытости», я потерял «да», но сохранил «нет», поэтому на вопрос: «Вы Томас?», отвечал «Не нет», но потом потерял и «нет», я пошел к татуировщику и попросил его написать ДА на ладони моей левой руки и НЕТ на моей правой ладони, ну, что сказать, сказкой свою жизнь я бы после этого не назвал, но она стала сносной, потирая руки в разгар зимы, я согреваюсь от трения ДА о НЕТ, аплодируя, я выражаю восторг путем объединения и разделения ДА и НЕТ, я говорю «книга», раскрывая сдвинутые вместе ладони, каждая моя книга – зыбкий баланс между ДА и НЕТ, даже эта, моя последняя, особенно эта. Рвет ли мне это сердце, еще бы, каждую секунду каждого дня на столько кусочков, что, кажется, их уже не составить вместе, разве мог я подумать, что стану молчаливым, тем более – немым, я вообще о многом не задумывался, все изменилось, клин между мной и моей способностью радоваться был вколочен не миром, не бомбами и горящими зданиями, а мной самим, моими мыслями, раковой опухолью моего нежелания что-либо забыть, блаженно ли неведение, я не знаю, но как же мучительно размышлять, и вот скажи мне, что дали мне мои размышления, в какие божественные дали завели? Я думаю, и думаю, и думаю, мои мысли миллион раз уводили меня прочь от радости, но ни разу к ней не приблизили. «Я» было последним словом, которое я еще мог произносить вслух, что ужасно, а какой выход, я бродил по улицам, повторяя: «Я, я, я, я». «Налить тебе чашечку кофе, Томас?» – «Я». – «И что-нибудь сладкое?» – «Я». – «Как тебе эта погодка?» – «Я». – «Ты какой-то расстроенный. Что-нибудь не так?» Мне хотелось сказать:

¹⁵ Амперсанд является графическим сокращением латинского союза *et* (и). Обозначается значком «&».

«Конечно», мне хотелось спросить: «А разве что-нибудь так?» Мне хотелось разорвать узелок, распустить шарф моей немоты и начать все снова, начать все с чистого листа, но вместо этого я говорил: «Я». Я знаю, что не одинок в своей болезни, вон сколько на улице стариков, и некоторые из них просто причитают: «А-яй-яй-яй», а другие причитают, потому что цепляются за свое последнее слово, за «я», они его повторяют в отчаянии, это не жалоба, это молитва, а потом я потерял «я», и немота стала полной. Я начал всюду носить с собой пустые тетради, вроде этой, и записывал в них то, что не мог сказать, отсюда все и пошло, если мне хотелось купить две булочки в булочной, я открывал тетрадь на чистом листе, писал: «Дайте две булочки» и показывал продавцу, если мне требовалась помощь, я писал «Помогите», если что-то меня смешило, я писал «Ха-ха-ха!», а вместо того чтобы петь под душем, я писал слова своих любимых песен, от чернил вода становилась синей, или красной, или зеленой, музыка стекала у меня по ногам, в конце каждого дня я укладывался с тетрадью в постель и перечитывал страницы собственной жизни:

Дайте две булочки

От сладкого я еще никогда не отказывался

Извините, но мельче у меня нет

Start spreading the news...¹⁶

То, что обычно, пожалуйста

Спасибо, но я и так скоро лопну

Точно не скажу, но уже поздно

Помогите

Ха-ха-ха!

То, что чистые листы заканчивались раньше, чем истекал день, было в порядке вещей, поэтому, когда требовалось заговорить с кем-нибудь на улице, или в булочной, или на автобусной остановке, единственное, что мне оставалось, – пролистнуть тетрадь от конца к началу и найти запись, которую уместно было бы пустить в оборот по второму разу, если кто-нибудь спрашивал меня: «Как самочувствие?», для ответа вполне могло сгодиться «То, что обычно, пожалуйста» или «От сладкого я еще никогда не отказывался», когда мой единственный друг мистер Рихтер предложил: «А не попробовать ли тебе вновь заняться скульптурой? Чем ты рискуешь?», я порылся в исписанной тетради и нашел где-то посередине: «Точно не скажу, но уже поздно». Я извел сотни тетрадей, тысячи, они заполнили собой квартиру, я использовал их вместо дверных упоров и пресс-папье, я складывал их в стопки, когда не на что было встать, чтобы до чего-нибудь дотянуться, я подсовывал их под ножки шатких столов, мастерил из них поддоны и кормушки, выравнивал ими птичьи клетки и прихлопывал насекомых, у коих вымаливал прощение, я никогда не думал, что записываю что-то особенное, только необходимое, я мог вырвать страницу – «Извините, но мельче у меня нет», – чтобы вытереть грязь, а мог выпотрошить весь день, чтобы завернуть запасные лампочки, помню, как однажды мы с мистером Рих-

---

¹⁶ Первая строчка знаменитой песни Фреда Эбба «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

тером провели вечер в зоопарке Центрального парка, я пришел, нагруженный провизией для зверей, только тот, кто сам никогда не был зверем, мог придумать таблички, запрещающие их кормить, мистер Рихтер рассказал анекдот, я бросил гамбургер львам, от его хохота задрезжали клетки, звери разбрелись по углам, мы хохотали и хохотали, вместе и по отдельности, безмолвно и во весь голос, мы задались целью забыть все, что никак не удавалось забыть, создать новый мир в пустоте, раз ничего, кроме пустоты, от прежнего мира не осталось, это был один из лучших дней моей жизни, день, когда я просто проживал жизнь и совсем не думал о ней. В том же году, но позднее, когда снег уже припорошивал нижние ступени крыльца, когда утро превратилось в вечер, застав меня на тахте под спудом всего, что было безвозвратно потеряно, я развел огонь, пустив свой смех на растопку: «Ха-ха-ха!», «Ха-ха-ха!», «Ха-ха-ха!», «Ха-ха-ха!» Когда мы встретились с твоей матерью, все слова уже были в прошлом, только это и сделало наш брак возможным, ей ничего не пришлось обо мне узнать. Мы встретились в кафетерии Колумбийской булочной на Бродвее, до Нью-Йорка мы оба добрались одинокими, сломленными и в смятении, я сидел в углу, вмешивая сливки в кофе, круг за кругом – эдакая крошечная вселенная, было много свободных столиков, но она подседа за мой. «Ты все потерял, – сказала она, точно у нас на двоих была одна тайна, – это сразу видно». Будь я другим человеком в другом мире, я бы поступил как-нибудь иначе, но я

оставался собой, и мир оставался миром, поэтому я промолчал. «Это ничего, – прошептала она, ее рот возле самого моего уха. – Я тоже. Ты бы это наверняка заметил, даже если бы я села вон там. Мы ведь не как итальянцы. У нас все на лбу написано. Видишь, как они смотрят. Вряд ли ведь знают, что мы все потеряли, но чувствуют – что-то не так». Она была одновременно и деревом, и рекой, струившейся мимо дерева. «Есть вещи и похуже, – сказала она. – Хуже, чем быть, как мы. Согласись: мыто хоть живы». Я увидел, что эти слова она бы предпочла взять обратно, но течение было слишком сильным. «А зато погода сегодня на сто долларов, давно собираюсь сказать». Я еще помешал кофе. «Но я слышала, к вечеру запаршивит. Во всяком случае, так ведущий по радио сказал». Я пожал плечами. Я не знал, что значит «запаршивит». «Я тут собиралась за тунцом забежать в A&P¹⁷. Купоны вырезала из утреннего «Поста»¹⁸. Пять банок по цене трех. Это ж почти задаром! Так-то я тунца не люблю. У меня от него, откровенно говоря, живот крутит. Но за такую цену!» – она старалась меня рассмешить, но я только пожал плечами и помешал кофе. «Прямо не знаю, как быть, – сказала она. – Погода на сто долларов, а по радио говорят, что к вечеру запаршивит, так может, мне лучше в парк сходить, хотя я на солнце сгораю в два счета. И еще ладно бы я тунца себе на ужин покупала, а то ведь нет, правильно? Я его вообще есть не собиралась, если быть откровенной. У меня от него живот крутит, откровенно говоря. Так что никакой спешки по части консервов. А вот погода точно долго не продержится. Она никогда долго не держится. Если хочешь знать, мне мой врач вообще рекомендовал прогулки. У меня глаза паршивят, и он говорит, что я слишком мало гуляю и что если бы я гуляла побольше, а боялась поменьше...» Она протягивала ко мне руку, которую я не знал, как взять, и поэтому поломал ей пальцы своим молчанием, она сказала: «Ты со мной общаться не хочешь, да?» Я достал тетрадь из своего рюкзака и открыл ее на чистой странице, предпоследней от конца. «Я не говорю, – написал я. – Прости». Она посмотрела на листок, потом на меня, потом опять на листок, она закрыла глаза руками и разрыдалась, слезы просачивались у нее между пальцев, собирались в крошечных перемычках, она рыдала, и рыдала, и рыдала, салфеток нигде поблизости не было, и поэтому я вырвал из тетради страницу – «Я не говорю. Прости» – и стал вытирать ей щеки, мой ответ и мое извинение потекли по ее лицу, как тушь, она взяла ручку из моих рук и написала на следующей чистой странице, на последней:

Пожалуйста, женись на мне

Я отлистнул назад и показал на «Ха-ха-ха!». Она перелистнула вперед и показала на «Пожалуйста, женись на мне». Я отлистнул назад и показал на «Извините, но мельче у меня нет». Она перелистнула вперед и показала на «Пожалуйста, женись на мне». Я отлистнул назад и показал на «Точно не скажу, но уже поздно». Она перелистнула вперед и показала на «Пожалуйста, женись на мне», только на этот раз надавила на «Пожалуйста» пальцем, точно хотела удержать страницу на месте, или положить конец разговору, или прорваться сквозь слово к тому, что по-настоящему пыталась сказать. Я подумал о жизни, о своей жизни – замешательства, крошечные совпадения, тени будильников на ночных столиках. Я подумал о своих ничтожных победах и обо всем, что было разрушено на моих глазах, я плескался в море норковых шуб на постели родителей, развлекавших внизу гостей, я потерял единственного человека, с которым мог бы разделить свою единственную жизнь, я оставил нетронутыми тысячи тонн мрамора, я мог бы высвободить из них скульптуры, я мог бы высвободить из мрамора и себя. Я познал радость, хотя ее было слишком мало, но разве радости бывает достаточно? Конец страданий не оправдывает страданий, потому-то у страданий и не бывает конца, во что я превратился, подумал я, ну и дурак, какой глупый и ограниченный, какой

---

¹⁷ Сеть супермаркетов Atlantic & Pacific Tea Company.

¹⁸ Газета «Нью-Йорк Пост» публиковала несколько полос купонов, по предъявлении которых можно приобрести товар со скидкой.

никчемный, какой нищий и жалкий, какой беспомощный. Даже мои домашние животные не знают своих имен, что я после этого за человек? Я приподнял ее палец, как иголку проигрывателя, и стал перелистывать тетрадь назад, страницу за страницей:

Помогите

Гуголплекс

А браслет, в котором мама была на похоронах, я изготовил так: я преобразовал последнее папино сообщение на автоответчике в азбуку Морзе и использовал небесно-голубой бисер для тишины, темно-бордовый – для пауз между буквами, фиолетовый – для пауз между словами, а длинные и короткие участки лески между бусинами – для длинных и коротких гудков, которые вообще-то называются импульсами, кажется, или типа того. Папа бы точно знал. Я провозился с браслетом девять часов и сначала хотел подарить его Сонни – бомжу, которого иногда вижу у входа в «Альянс Франсез»¹⁹, потому что у меня из-за него гири на сердце, или, может быть, Линди – опрятной старушке, которая водит бесплатные экскурсии по Музею естественной истории, чтобы стать для нее особенным, или просто кому-нибудь в инвалидной коляске. Но вместо этого я подарил его маме. Она сказала, что лучшего подарка в жизни не получала. Я спросил, лучше ли он, чем сдобное цунами, которое я ей подарил в период моего увлечения сдобными метеорологическими явлениями. Она сказала: «Их нельзя сравнивать». Я спросил, любит ли она Рона. Она сказала: «Рон – замечательный человек», что было ответом на вопрос, который я не задавал. Поэтому я спросил снова. «Истинно или ложно: ты любишь Рона». Она провела рукой с обручальным кольцом по своим волосам и сказала: «Оскар, Рон мой друг». Мне хотелось спросить, трахается ли она со своим другом, и если бы она сказала «да», я бы убежал, а если бы она сказала «нет», я бы спросил, занимаются ли они глубоким петтингом, про который я знаю. Мне хотелось сказать, что ей еще рано играть в скрэбл. Или смотреться в зеркало. Или включать музыку громче, чем очень тихо. Это нечестно по отношению к папе и нечестно по отношению ко мне. Но все это я запрятал поглубже. Я изготовил для нее еще несколько украшений из морзянки папиных сообщений – цепочку на шею, цепочку на щиколотку, сережки-висюльки, обруч для волос, – но браслет был точно самым красивым, возможно, потому, что я его изготовил последним, и из-за этого он был мне особенно дорог. «Мам?» – «Что?» – «Ничего».

Даже спустя год мне по-прежнему жутко трудно делать некоторые вещи – типа принимать душ (почему-то) и ездить на лифте (само собой). Есть целая куча вещей, которые меня напрягают, типа подвесные мосты, микробы, самолеты, салют, арабы в метро (хоть я и не расист), арабы в ресторанах, кафе и других общественных местах, строительные леса, решетки водостоков и сабвеев, оставленные сумки, обувь, люди с усами, дым, узлы, высокие здания, тюрбаны. Часто у меня такое чувство, будто я в центре огромного черного океана или в открытом космосе, но не как когда балдеешь. Просто все становится запредельно далеким. Хуже всего по ночам. Я начал изобретать разные вещи и потом не смог остановиться, как бобры, про которых я знаю. Люди думают, что бобры подпиливают деревья, чтобы строить плотины, а на самом деле из-за того, что у них зубы всю жизнь растут, и если бы они их постоянно не стачивали, подпиливая деревья, то зубы постепенно вращались бы им в морды, и тогда бы бобрам конец. Так было и с моим мозгом.

Как-то ночью после целого гуголплекса изобретений я зашел в папину кладовку. Когда-то мы с ним там боролись по греко-римски и рассказывали уморительные анекдоты, а однажды привесили маятник к потолку и разложили костяшки домино на полу по кругу, чтобы доказать, что Земля вертится. Но после его смерти я туда ни разу не заходил. Мама и Рон были в гостиной – слушали слишком громкую музыку и играли в настольные игры. Мама не скучала по папе. Я взялся за ручку двери, но не сразу ее повернул.

---

¹⁹ Некоммерческая общественная организация, предлагающая популярные курсы изучения французского языка и французской культуры.

В отличие от гроба, в котором папы не было, в кладовке он был. И хоть прошло уже больше года, там по-прежнему пахло бритьем. Я потрогал его белые майки. Я потрогал его крутейшие наручные часы, которые он никогда не носил, и запасные шнурки от его кроссовок, которые никогда больше не побегут вокруг резервуара. Я обследовал карманы всех его пиджаков (нашел чек за такси, обертку мини-«Крэкла»²⁰ и визитку какого-то поставщика алмазов). Я влез в его тапочки. Я посмотрелся в его металлический рожок для обуви. В среднем, чтобы заснуть, человеку требуется не больше семи минут, а я не могу уснуть часами, но гирь на моем сердце стало поменьше, когда я оказался среди его вещей и потрогал то, до чего он дотрагивался, и поправил вешалки, чтобы ровнее висели, хотя это уже не имело значения.

Его смокинг висел на стуле, на который он обычно садился, когда завязывал шнурки, и я подумал: *Странно*. Почему он не висит вместе с другими костюмами? Может, в свой последний вечер он вернулся с какой-нибудь пафосной вечеринки? Но тогда почему, раздевшись, он не повесил его на место? Может, собирался сдать в чистку? Но я не помнил пафосной вечеринки. Я помнил, как он укладывал меня спать, и как кто-то говорил по-гречески на коротких волнах радиоприемника, и историю про Шестой округ. Если бы больше ничего странного я не заметил, я бы не напрягся из-за смокинга. Но я кучу всего заметил.

На полке, на самом верху, стояла зыкинская синяя ваза. Зачем ставить зыкинскую синюю вазу под самый потолок? Дотянуться до нее, само собой, я не смог, поэтому придвинул стул со смокингом, а потом сходил в комнату за собранием сочинений Шекспира, которое мне подарила бабушка, когда узнала, что я буду Йориком, и перетаскал его в кладовку по четыре трагедии за раз, пока не получилась солидная стопка. Я на все это встал, и вроде было нормально. В первую секунду. Но когда я уже почти коснулся вазы, трагедии закачались, и еще этот смокинг запредельно отвлекал, ну а дальше все было уже на полу, включая меня и включая вазу, которая кокнулась. «Это не я!» – крикнул я, но они не услышали, потому что музыка играла слишком громко и тусовка там шла по полной. Я застегнулся на все «молнии» внутри самого себя, но не потому, что ударился, и не потому, что что-то разбил, а потому, что там шла тусовка. Хоть я и знал, что не стоит, я наставил себе синяк.

Я решил все убрать и тогда заметил еще одну подозрительность. Среди осколков лежал маленький конверт размером с карточку для беспроводного Интернета. *Ты чё?* Я открыл его, и внутри оказался ключ. *Ты чё, ты чё?* Он был странной формы и, само собой, открывал что-нибудь жутко важное, потому что был толще и короче, чем обычный ключ. Я терялся в догадках: короткий толстый ключ в маленьком конверте в синей вазе на верхней полке его кладовки.

Мое первое решение было логичным, потому что я решил быть суперскрытным и проверить этот ключ во всех замочных скважинах в квартире. Я знал, что он не от входной двери, потому что ключ от входной двери я ношу на шее на веревочке, чтобы попадать домой, когда никого нет дома, и он совсем другой. Для скрытности я пошел на цыпочках и проверил, не отопрет ли этот ключ дверь в ванную, и разные двери в спальне, и ящички маминого комода. Я проверил, не отопрет ли он конторку на кухне, за которой папа выписывал чеки, или шкаф рядом с бельевым шкафом, в котором я любил прятаться, когда мы играли в прятки, или мамину шкатулку с драгоценностями. Но он никуда не подходил.

В ту ночь, лежа в кровати, я изобрел специальную дренажную систему, которая одним концом будет подведена под каждую подушку в Нью-Йорке, а другим соединена с резервуаром. Где бы люди ни заплакали перед сном, слезы всегда будут стекать в одно место, а утром метеоролог сообщит, возрос или опустился уровень воды в резервуаре слез, и всем будет ясно, сколько гирь у ньюйоркцев на сердце. А когда случится что-нибудь *действительно*

---

²⁰ Название хлебцев из пшеницы.

ужасное – типа нейтронная бомба или даже атака с применением биологического оружия, – заработает жутко громкая сирена, и все бросятся в Центральный парк, чтобы обкладывать резервуар мешками с песком.

Ладно.

На следующее утро я сказал маме, что не могу пойти в школу, потому что заболел. Я соврал первый раз в жизни. Она положила ладонь на мой лоб и сказала: «Да, ты немного горячий». Я сказал: «Я померил температуру – у меня сорок два». Я соврал во второй раз. Она повернулась ко мне спиной и попросила помочь ей с «молнией» на платье, которую, вообще-то, могла застегнуть и сама, но знала, что я это обожаю. Она сказала: «У меня весь день совещания, но, если понадобится, бабушка может зайти в любую минуту, а я буду звонить каждый час». Я сказал: «Если я не подхожу, значит, заснул или в туалете». Она сказала: «Лучше подходи».

Стоило ей уйти, как я тут же оделся и пошел вниз. Стэн подметал тротуар перед домом. Я попробовал пройти мимо, чтобы он не заметил, но он заметил. «А по виду не скажешь, что заболел», – сказал он, смахивая охапку листьев с тротуара на мостовую. Я сказал: «Это внутренняя болезнь». Он спросил: «И куда же наш больной направляется?» Я сказал: «В аптеку на Восемьдесят четвертой улице, купить сосулек от кашля». Ложь № 3. На самом деле я пошел в мастерскую «Фрейзер и сыновья», в которой ремонт замков, на Семьдесят девятой.

«Опять за запасными ключами?» – спросил Уолт. Я ответил на его хай-файв, достал ключ и спросил, что он мне может про него рассказать. «Это от какого-то ящичка», – сказал он, держа его перед лицом и рассматривая поверх очков. «Даже, пожалуй, сейфа. Это ясно по форме». Он указал на панель с крючками на стене мастерской, где висела куча разных ключей. «Видишь, эти совсем другие. Твой значительно толще. Его труднее сломать». Я провел рукой по всем ключам на стене, до которых смог дотянуться, и от этого мне почему-то стало спокойнее. «Но вряд ли от встроенного сейфа. Что-нибудь не слишком большое. И наверняка переносное. Может быть, даже касса. Старого образца. Или какой-нибудь допотопный генератор». Тут я немного раскололся, хотя и знаю, что нет ничего смешного, когда человек – дегенератор. «Это старый ключ, – сказал он. – Ему лет двадцать, а то и все тридцать». – «Откуда вы знаете?» – «Я про ключи все знаю». – «Клево». – «Многие сейфы теперь вообще без ключей». – «Как это?» – «Ключами уже почти никто не пользуется». – «Я пользуюсь», – сказал я и показал ему ключ от нашей квартиры. «Я знаю, что ты пользуешься, – сказал он. – Но таких, как ты, скоро совсем не останется. Сегодня все замки электронные. Открываются дистанционно. Или распознают отпечаток пальца». – «Но это же круто». – «Мне ключи больше нравятся». Я задумался на минуту, а потом у меня возникли гири на сердце. «Если таких, как я, скоро не останется, что же будет с вашим бизнесом?» – «Придется перепрофилироваться, – сказал он. – Как магазин пишущих машинок. Пока мы нужны, а скоро станем достопримечательностью». – «Может, вам открыть другой бизнес?» – «Мне этот нравится».

Я сказал: «У меня вопрос, но он совсем про другое». Он сказал: «Валяй». – «Валять?» – «Валяй. Не стесняйся. Задавай». «Вы Фрейзер или вы сын?» – «Строго говоря, внук. Эту мастерскую открыл еще мой дед». – «Клево». – «Но, выходит, что я и сын, потому что пока был жив отец, всеми делами здесь ведал он. И я же, пожалуй, Фрейзер, потому что летом со мной вместе работает мой сын».

Я сказал: «У меня еще вопрос». – «Валяй». – «Вы думаете, я смогу узнать, кто изготовил этот ключ?» – «Его кто угодно мог изготовить». – «Вообще-то я другое хотел спросить: как мне найти замок, который он открывает?» – «Только методом тыка. Пробуй открывать им разные замки. А понадобится запасной ключик – я тебе его всегда сделаю». – «Мне может понадобится гуголплекс запасных ключей». – «Гуголплекс?» – «Гугол в степени гугол». – «Гугол?» – «Это единица с сотней нолей». Он положил руку мне на плечо и сказал: «Тебе

нужен всего один замок». Я изо всех сил удлинился вверх, и положил руку ему на плечо, и сказал: «Ага».

Когда я уходил, он спросил: «А что это ты не в школе?» Моя реакция была мгновенной: «Сегодня день рождения доктора Мартина Лютера Кинга-младшего²¹». Ложь № 4. «Это же, вроде, в январе». – «Так раньше было». Ложь № 5.

Когда я возвратился домой, Стэн сказал: «Вам письмо!»

Дорогой Оск!

Здорово, дружище! Спасибо за славное письмецо и пуленепробиваемые барабанные палочки, которые, надеюсь, мне не понадобятся! Скажу откровенно, у меня никогда не было желания давать уроки...

Надеюсь, тебе понравится эта майка, на которой я без твоего разрешения рискнул поставить автограф.

Твой друг, Ринго

Майка мне не просто понравилась. Я от нее заторчал! Хотя она, к сожалению, не была белой, поэтому носить ее я не мог.

Я заламинировал письмо Ринго и приклеил его к стене. Затем я полазил в Интернете и нарыл кучу полезной информации про замки в Нью-Йорке. Например, что в нем 319 отделений связи и 207 352 абонентных ящика. В каждом ящике, само собой, есть замок. Я также узнал, что в Нью-Йорке около 70 571 гостиничного номера, и в большинстве из них имеется основной замок, замок в ванной, замок в шкафу и замок на мини-баре. Я не знал, что такое мини-бар, поэтому позвонил в отель «Плаза», про который знал, что он знаменитый, и поинтересовался. После этого я уже знал, что такое мини-бар. В Нью-Йорке более 300 000 автомобилей, не считая 12 187 такси и 4425 автобусов. Еще я вспомнил, что в метро, которым я раньше пользовался, у проводников есть ключи, чтобы открывать и закрывать двери, – значит, эти замки тоже следовало учесть. В Нью-Йорке живет более 9 миллионов человек (каждые 50 секунд в Нью-Йорке кто-то рождается), и все они где-нибудь проживают, а в большинстве квартир – два замка на входной двери, и, по крайней мере, в некоторых – замки на дверях в ванную, и, может быть, в другие комнаты и, само собой, на комодах и шкапулках с драгоценностями. Помимо этого есть офисы, и художественные студии, и склады, и банки с сейфами, и ворота в частные сады, и автостоянки. Я прикинул, что если сложить все – от велосипедных замков и щеколд на чердаке до защелок на коробках для запонки, – то на каждого жителя Нью-Йорка приходится, в среднем, по 18 замков, а это значит, что всего в Нью-Йорке около 162 миллионов замков, а это до фигищи.

«Квартира Шеллов... Привет, мам... Немного полегче, но пока еще плохо... Нет... Угу... Угу... Наверное... Я закажу в индийском... Ну и что... О'кей... Угу... Буду... Я знаю... Я знаю... Пока».

Я засекал время и установил, что на отпирание замка у меня ушло 3 секунды. Затем я подсчитал, что если каждые 50 секунд в Нью-Йорке рождается ребенок, а на каждого жителя приходится по 18 замков, то значит, каждые 2,777 секунды в Нью-Йорке прибавляется по замку. Таким образом, даже если бы я ничего больше не делал, а только отпирал замки, я бы все равно отставал на 0,333 замка в секунду. И это если не переходить от замка к замку, не есть и не спать, что было самым легким «если», потому что я и так не спал. Мне нужен был план получше.

В ту ночь я надел свои белые перчатки, подошел к мусорной корзине в папиной кладовке и открыл пакет, в который ссыпал осколки вазы. Я надеялся отыскать еще один ключ

---

²¹ Лидер движения за гражданские права чернокожего населения. Родился 15 января 1929 года, убит 4 апреля 1968-го. Праздник его имени отмечается в США каждый третий понедельник января и является нерабочим днем для большинства государственных и учебных учреждений.

– тот, который подтолкнул бы меня к разгадке. Надо было быть жутко осторожным, чтобы не повредить вещественные доказательства, не попасться маме, не порезаться и при этом найти конверт из-под ключа. Только теперь я увидел то, на что опытный сыщик первым делом обратил бы внимание: на обратной стороне конверта было написано слово «Black»²². От злости, что не заметил его сразу, я наставил себе небольшой синяк. Папин почерк выглядел странно. Он выглядел небрежно, как если бы папа писал второпях, или разговаривая по телефону, или просто думая о чем-то другом. Интересно, о чем он думал?

Я порыскал в «Гугле» и обнаружил, что ни у одной из компаний, производящих сейфы, в названии нет слова «Black». Это меня немного огорчило, потому что лишало логического объяснения, которое всегда самое лучшее, хотя, к счастью, не единственное. Затем я обнаружил, что в каждом штате нашей страны и почти во всех странах мира есть место под названием Black. Например, во Франции есть место под названием Noir. Но кому от этого легче. Я еще немного порыскал, хотя знал, что будет только хуже, но уже не мог остановиться. Я распечатал несколько попавшихся по ходу фоток (акула, нападающая на девочку; какой-то человек, идущий по канату между башнями-близнецами; та актриса, которой делает минет ее нормальный бойфренд; солдат, которого обезглавливают в Ираке; пустая стена, на которой раньше висела знаменитая украденная картина) и добавил их ко «Всякой всячине, которая со мной приключилась», – это мой альбом, в который я собираю все, что со мной приключается.

На следующее утро я сказал маме, что опять не смогу пойти в школу. Она спросила, что на этот раз. Я сказал: «То же, что всегда». – «Куксишься?» – «Грущу». – «О папе?» – «Обо всем». Она присела ко мне на кровать, хотя я знал, что она торопится. «Что тебя огорчает?» Я начал загибать пальцы: «Мясные и молочные продукты у нас в холодильнике, кулачные разборки, аварии на дорогах, Ларри...» – «Кто такой Ларри?» – «Бездомный у Музея естественной истории. Он еще всегда говорит: «Честное слово, на еду», когда просит денег». Она повернулась ко мне спиной, и я застегнул «молнию» на ее платье, продолжая перечислять: «То, что ты не знаешь, кто такой Ларри, хотя наверняка видела его сто тысяч раз, то, что Бакминстер только спит, ест и ходит в туалет без всякого *raison d'être*, уродливый коротышка без шеи, который проверяет билеты на входе в кинотеатр IMAX, то, что солнце рано или поздно взорвется, то, что каждый год на свой день рождения я обязательно получаю в подарок хотя бы одну вещь, которая у меня уже есть, бедняки, которые жиреют, потому что едят жирную еду, потому что она дешевле...» Здесь у меня закончились пальцы, хотя я был еще в самом начале списка, а мне хотелось сделать его подлиннее, потому что я знал, что она не уйдет, пока я не остановлюсь. «...Домашние животные, то, что у меня *есть* домашнее животное, ночные кошмары, «Майкрософт Виндоуз», старики, которые целыми днями сидят одни, потому что про них все забыли, а им неудобно попросить, чтобы про них вспомнили, секреты, телефоны с крутящимся диском, то, что китайские официантки улыбаются, даже когда им не смешно, и еще, что китайцы владеют мексиканскими ресторанами, а мексиканцы китайскими – никогда, зеркала, кассетники, то, что со мной никто не хочет дружить в школе, бабушкины купоны, вещехранилища, люди, которые не знают про Интернет, плохой почерк, красивые песни, то, что через пятьдесят лет на земле не будет людей...» – «Кто сказал, что через пятьдесят лет не будет людей?» Я спросил: «Ты оптимист или пессимист?» Она посмотрела на часы и сказала: «Я настроена *оптимистично*». – «Тогда у меня для тебя плохие новости, потому что люди уничтожат друг друга при первой возможности, а это скоро». – «А почему тебе грустно от красивых песен?» – «В них все неправда». – «Так уж и все?» – «Красота и правда несовместны». Она улыбнулась, но не особенно радостно, и сказала: «Ты звучишь, совсем как папа».

---

²² Черный.

«В каком смысле я звучу, как папа?» – «Он часто так говорил». – «Типа?» – «Типа то-то и то-то *несовместно*. Или то-то и то-то *гениально*. Или *само собой*». Она засмеялась. «Он все всегда обобщал». – «Что значит «обобщал»?» – «Это значит – объединял вместе. От слова «общий». – «Что плохого в обобщательности?» – «Просто очень часто папа за лесом не различал деревьев». – «За каким лесом?» – «Неважно».

«Мам?» – «Да». – «Мне вообще-то не очень приятно, когда ты говоришь, что я делаю некоторые вещи, совсем как папа». – «Да? Прости. А я часто так говорю?» – «Постоянно». – «Представляю, как это может быть неприятно». – «А бабушка всегда говорит, что я делаю некоторые вещи, совсем как дедушка. Мне от этого не по себе, потому что их нет. И еще мне кажется, что я для вас ничего не значу». – «Вот уж этого ни бабушка, ни я точно не имеем в виду. Разве ты не знаешь, как много ты для нас значишь?» – «Ну, знаю». – «Ты *все* для нас значишь».

Некоторое время она гладила меня по голове, и ее пальцы забирались за ухо, в то место, до которого почти никогда не дотрагиваешься.

Я спросил, можно ли еще раз застегнуть ей платье. Она сказала: «Конечно» и повернулась ко мне спиной. Она сказала: «Мне кажется, будет правильно, если ты все-таки постараешься пойти в школу». Я сказал: «Я стараюсь». – «Сходи хотя бы на первый урок». – «Я даже с кровати встать не могу». Ложь № 6. «Доктор Файн сказал, что я должен к себе прислушиваться. Он сказал, что если не хочется, лучше себя не заставляй». Тут я не совсем соврал, но и не совсем справдивил. «Мне бы не хотелось, чтобы это вошло в привычку», – сказала она. «Не войдет», – сказал я. Положив руку на одеяло, она, видимо, кое-что заподозрила, потому что спросила, лежу ли я в постели одетым. Я сказал: «Да, и это потому, что мне холодно». № 7. «Не считая того, что жарко».

Как только она ушла, я собрал все необходимое и спустился вниз. «Сегодня ты выглядишь лучше», – сказал Стэн. Я сказал, что это не его дело. Он сказал: «Тоже мне». Я сказал: «Просто сегодня я чувствую себя хуже».

Я дошел до магазина художественных принадлежностей на Девяносто третьей улице и спросил женщину у входа, могу ли я поговорить с менеджером, потому что папа всегда так делал, когда у него был важный вопрос. «Я могу чем-нибудь помочь?» – спросила она. «Мне нужен менеджер», – сказал я. «Понимаю. Я могу чем-нибудь помочь?» – «Вы запредельно красивая», – сказал я, потому что она была толстая, и я решил, что ей это будет особенно приятно услышать, и еще для того, чтобы ей снова понравиться, хоть я и вел себя, как сексист. «Спасибо», – сказала она. Я сказал: «Вы просто звезда экрана». Она покачала головой, типа *Ты чё?* «Ладно», – сказал я, и показал ей конверт, и объяснил, как я нашел ключ, и как теперь пытаюсь найти замок, который он открывает, и как слово «Black» может что-нибудь означать. Я хотел знать все, что она может рассказать мне про черное, поскольку она наверняка является экспертом по цвету. «Ну, – сказала она, – не знаю, какой из меня *эксперт*. Но одно могу отметить: немного необычно, что слово «Black» написано красной ручкой».

Я спросил, что в этом необычного, потому что у папы всегда была под рукой красная ручка для «Нью-Йорк Таймс». «Иди сюда», – сказала она и подвела меня к витрине с десятью ручками. «Смотри». Она показала мне блокнот, который был рядом с витриной.

«Видишь, – сказала она, – большинство людей пишут название цвета той ручки, которую они пробуют». – «Почему?» – «Откуда я знаю. Небось какая-нибудь психологическая заморочка». – «Психологическая значит умственная?» – «Практически». Я над этим задумался, и мне было озарение, что если бы я захотел попробовать синюю ручку, то, скорее всего, написал бы слово «синий». «Не так-то просто сделать, как твой папа, – написать название одного цвета другим цветом. Не у всех получится». – «Правда?» – «А это еще труднее», – сказала она и написала что-то на следующей странице блокнота, и попросила меня прочесть это вслух. Она была права: прочесть оказалось еще труднее, потому что одна часть меня хотела произнести название цвета, а другая часть меня хотела произнести то, что им было написано. В итоге я не произнес ничего.

Я спросил, что бы это могло значить, по ее мнению. «Ну, – сказала она, – не знаю, *значит* ли это вообще что-нибудь. Но смотри: когда человек пробует ручку, он, чаще всего,

пишет либо название ее цвета, либо свое имя. То, что «Black» написано красным, наводит меня на мысль, что Блэк – это фамилия». – «Возможно, даже женская». – «И я тебе больше скажу». – «Что?» – «Б – у тебя заглавная. А название цветов мы ведь обычно пишем со строчной». – «Бабай!» – «Прошу прощения?» – «Black написал Блэк». – «Что?» – «Black написал Блэк. Я должен найти этого Блэка». Она сказала: «Если я еще чем-нибудь могу помочь – обращайся». – «Я вас люблю». – «Только не трясись так своим тамбурином – ты в магазине».

Она отошла, а я еще немного постоял, стараясь угнаться за работой своего мозга. Я пролистал блокнот от конца к началу, раздумывая над тем, как бы поступил на моем месте Стивен Хокинг.

Я вырвал из блокнота последний лист и снова побежал за менеджером. Она помогала кому-то выбирать кисточки, но я решил, что не будет невежливым ее прервать. «Это мой папа, – сказал я, тыча пальцем в его имя. – Томас Шелл!» – «Какое совпадение», – сказала она. Я сказал: «Но только он не покупал художественные принадлежности». – «Может, он купил, а тебе не сказал». – «Может, он просто зашел за ручкой». Я обежал весь магазин, от витрины к витрине, проверяя, не оставил ли свой след и в других отделах. Так я смог бы определить, покупал ли он здесь разные художественные принадлежности или только ручку.

Трудно было поверить в то, что я обнаружил.

Его имя было *повсюду*. Он перепробовал маркеры, и тюбики с маслом, и цветные карандаши, и мелки, и ручки, и пастели, и акварели. Он даже процарапал свое имя на куске формочной глины, и я нашел мастихин с желтым на конце, поэтому я точно знал, чем именно

он это сделал. Было похоже, что он затевал крупнейший художественный проект в истории. Только я не понял: ведь все это должно было быть больше года назад.

Я опять нашел менеджера. «Вы сказали, что если вы еще можете чем-нибудь помочь, чтобы я обращался». Она сказала: «Сначала я закончу с покупателем, а потом буду в твоём полном распоряжении». Я стоял и ждал, пока она заканчивала с покупателем. Она повернулась ко мне. Я сказал: «Вы сказали, что если вы еще можете чем-нибудь помочь, чтобы я обращался. Мне необходимо просмотреть ведомости продаж». – «Зачем?» – «Чтобы узнать, когда мой папа здесь был и что именно он купил». – «Зачем?» – «Чтобы знать». – «Но зачем?» – «У вас папа не умер, поэтому вы все равно не поймете». Она сказала: «У тебя умер папа?» Я сказал да. И добавил: «Я очень ранимый». Она подошла к одной из касс, которая на самом деле была компьютер, и понажимала пальцем на экран. «Продукту по буквам его фамилию». – «Ш.Е.Л.Л». Она еще понажимала, и пошевелила лицом, и сказала: «Ничего». – «Ничего?» – «Либо он ничего не купил, либо расплатился наличными». – «Акшак, я шас». – «Прошу прощения?» – «Оскар Шелл... Привет, мам... Потому что я в туалете... Потому что он был в кармане... Угу... Угу... Немного, но можно я тебе перезвоню, когда я не в туалете... Типа через полчаса?.. Не по телефону... Наверное... Угу... Угу. О'кей, мам... Да... Пока».

«Тогда у меня еще вопрос». – «Ты со мной разговариваешь или по телефону?» – «С вами. Эти блокноты у витрин давно там лежат?» – «Я не знаю». – «Он умер больше года назад. Это ведь уже давно, да?» – «Так долго они бы точно не пролежали». – «Вы абсолютно уверены?» – «Не абсолютно, но уверена». – «Процентов на семьдесят пять или больше?» – «Больше». – «На девяносто девять?» – «Меньше». – «На девяносто?» – «Около того». Я на несколько секунд сконцентрировался. – «Это ж до фигищи процентов».

Я побежал домой, и еще полазил в Интернете, и обнаружил, что в Нью-Йорке 472 человека по фамилии Блэк. Адресов было 216, потому что некоторые Блэки, само собой, жили вместе. Я подсчитал, что если каждую субботу заходить к двум, что казалось посильным, плюс праздники, минус репетиции «Гамлета» и другие дела, типа геологических и нумизматических конвенций, то у меня уйдет около трех лет, чтобы обойти всех. Но не могу же я ждать три года. Я написал письмо.

Cher Marcel!

Alló. Я мама Оскара. Я тут пораскинула мозгами и пришла к выводу, что не понимаю, зачем Оскару этот французский, поэтому больше он не будет ходить к вам по воскресеньям, как раньше. Я вам очень благодарна за все, чему вы его научили, особенно за условное время, которое полнейший прикол. Само собой, не звоните мне, когда Оскар не придет на урок, потому что я уже об этом знаю, потому что я так решила. И еще я буду по-прежнему оплачивать его занятия, поскольку вы клевый.

Votre ami dévoée

Mademoiselle Шелл

Это и был мой гениальный план. Находить по выходным людей с фамилией Блэк и выяснять у них все, что они знают про ключ и вазу из папиной кладовки. Через полтора года я буду знать все. Или хотя бы, что нужен новый план.

Конечно, мне хотелось поговорить с мамой уже в ту ночь, когда я решил начать свой поиск, но я не мог. Не потому, что думал, что мне влетит за то, что сую нос, куда не надо, и не потому, что боялся, что она разозлится из-за вазы, и даже не потому, что сам злился на нее за то, что она столько тусуется с Роном, хотя ей следует пополнять резервуар слез. Не могу объяснить, почему, но я был уверен, что она не знает ни про вазу, ни про конверт, ни про ключ. Замок был только наш с папой.

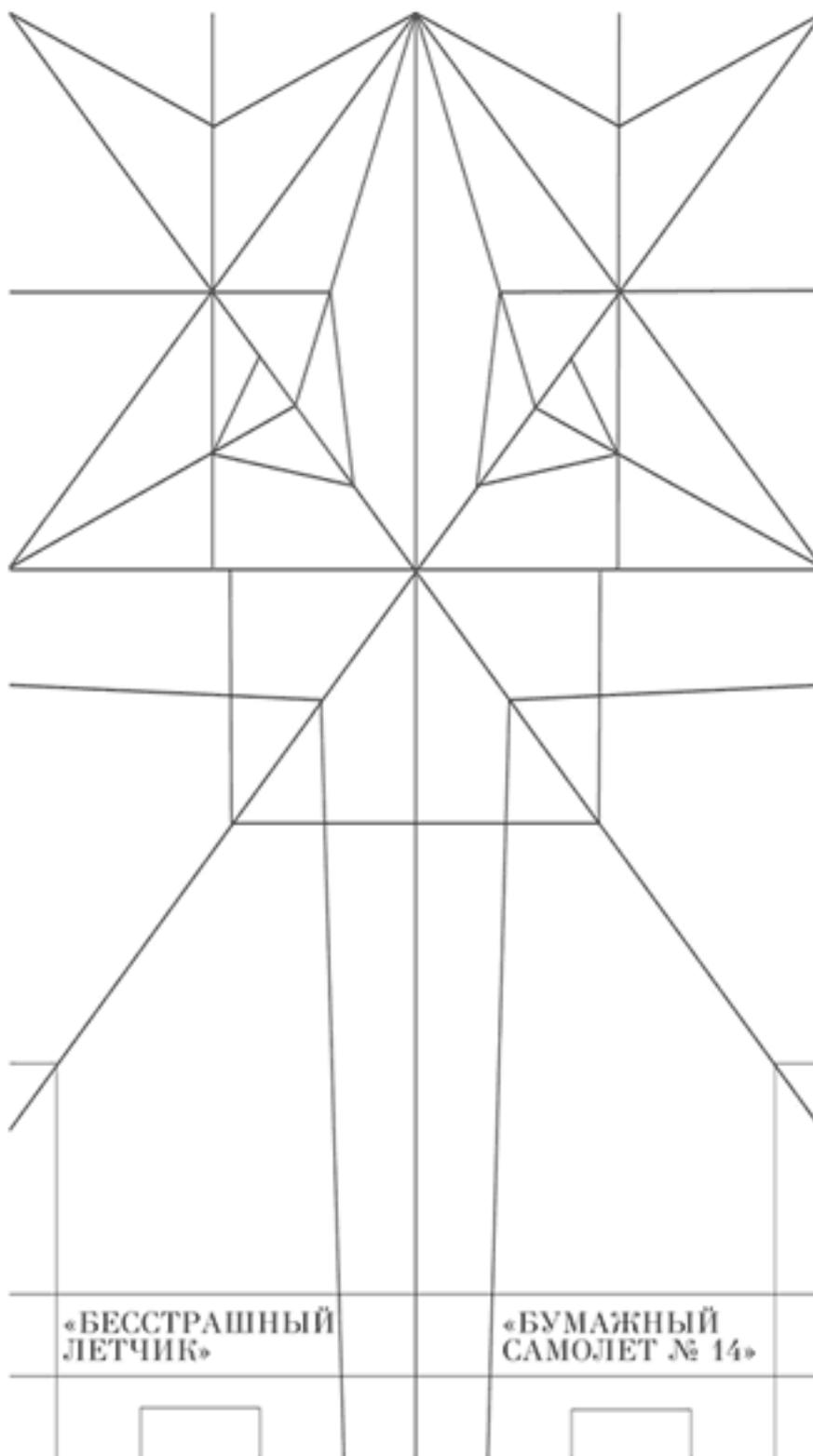
Поэтому, если в те восемь месяцев, что я ходил по Нью-Йорку, она спрашивала, куда я иду и когда вернусь, я отвечал только: «По делам. Буду позже». Что было особенно странно, и в чем стоило разобраться – так это почему она никогда ничего не уточняла, типа «По каким делам?» или «Когда позже?», хотя обычно очень за меня волновалась, особенно после смерти папы. (Она мне купила мобильник, чтобы мы всегда могли друг друга найти, и велела ездить на такси, а не на метро. Она даже водила меня в полицейский участок на отпечатки пальцев, что вообще было суперски.) Так почему же она вдруг стала обо мне забывать? Уходя на поиск замка, я становился чуточку легче, потому что приближался к папе. Но и чуточку тяжелее, потому что я чувствовал, как удаляюсь от мамы.

В ту ночь, лежа в кровати, я не переставая думал про ключ и как каждые 2,777 секунды в Нью-Йорке рождается новый замок. Я достал «Всякую всячину, которая со мной приключилась» из зазора между кроватью и стеной и немного ее полистал, надеясь, что это мне поможет заснуть.

Purple

Спустя вечность я встал и подошел к шкафу, в котором был спрятан телефон. После наихудшего дня я его оттуда ни разу не вынимал. Это было просто невозможно.

Я часто думаю про те четыре с половиной минуты между тем, когда я пришел домой, и тем, когда позвонил папа. Стэн погладил меня по лицу, чего раньше никогда не делал. Я в последний раз поднялся на лифте. Я открыл дверь в квартиру, поставил на пол сумку и снял ботинки, как будто все зашибись, потому что я ведь не знал, что на самом деле все просто ужас, потому что откуда мне было знать? Я погладил Бакминстера, чтобы показать ему, как я его обожаю. Я подошел к телефону проверить сообщения и прослушал их одно за другим.

*Сообщение первое: 8:52 Сообщение второе: 9:12 Сообщение третье:
9:31 Сообщение четвертое: 9:46 Сообщение пятое: 10:04*

Я подумал о том, чтобы позвонить маме. Я подумал о том, чтобы схватить мою рацию и радировать бабушке. Я отмотал сообщения к началу и прослушал их снова. Я посмотрел на часы. Было 10:22:21. Я подумал о том, чтобы убежать из дома и больше никогда ни с кем не разговаривать. Я подумал о том, чтобы спрятаться под кровать. Я подумал о том, чтобы поехать к башням-близнецам и посмотреть, не смогу ли как-нибудь спасти его сам. И тогда зазвонил телефон. Я посмотрел на часы. Было 10:22:27.

Я знал, что нельзя допустить, чтобы мама услышала эти сообщения, потому что оберегать ее – один из моих наипервейших *raisons d'être*, поэтому я поступил вот как: я взял деньги из папиного НЗ на комод и пошел в «Радио шек»²³ на Амстердам²⁴. Там я увидел по телеку, как падает первая башня. Я купил новый телефон, который был в точности такой же, как наш, и примчался домой, и переписал на него наше приветствие со старого телефона. Я замотал старый телефон шарфом, который бабушка так и не довязала из-за моей несговорчивости, и положил его в целлофановый пакет, а пакет положил в коробку, а коробку – в другую коробку, а ее – к себе в шкаф под кучу барахла, типа набора моих ювелирных инструментов и альбомов с иностранными монетами.

²³ Сеть магазинов электроники и электротоваров.

²⁴ Название одной из авеню в Манхэттене.

В ту ночь, когда я решил, что поиск замка – мой самый главный *raison d'être* – *raison*, перед которым меркнут все другие *raisons*, – мне было необходимо его услышать.

Я жутко старался не нашуметь, вынимая из тайника телефон. Хоть громкость была почти нулевая, чтобы папин голос не разбудил маму, он все равно заполнил комнату, типа как свет, даже когда он тусклый.

Сообщение второе. 9:12. *Это опять я. Ты там? Алло? Прости, если. Здесь немного. Дымно. Я надеялся, что застану. Тебя. Дома. Не знаю, слышал ли ты уже, что произошло. Но. Я. Просто хотел дать знать, что в порядке. Все. Нормально. Когда прослушаешь, позвони бабушке. Скажи ей, что я в порядке. Я скоро еще позвоню. Пожарные, наверное, будут. Здесь вот-вот. Я позвоню.*

Я снова завернул телефон в недовязанный шарф и положил его обратно в пакет, а пакет положил обратно в коробку, а коробку – в другую коробку, и все это – в шкаф под кучу барахла.

Я до бесконечности пялился на фальшивые звезды.

Я изобретал.

Я наставил себе синяк.

Я изобретал.

Я встал, подошел к окну и взял рацию. «Бабушка? Бабушка, как слышишь меня? Бабушка? Бабушка?» – «Оскар?» – «Я в порядке. Прием». – «Так поздно. Что случилось? Прием». – «Я тебя разбудил? Прием». – «Нет. Прием». – «Что ты делала? Прием». – «Болтала с жильцом. Прием». – «Он до сих пор не спит? Прием». Мама сказала, чтобы я не задавал бабушке вопросов про жильца, но часто это само собой получалось. «Нет, – сказала бабушка, – он только что ушел. У него были дела по хозяйству. Прием». – «В 4:12 утра? Прием».

Жилец поселился у бабушки сразу после смерти папы, но хоть я и бывал у нее в квартире практически каждый день, я ни разу его не встретил. Он постоянно бегал по хозяйственным делам, или дремал, или принимал душ, даже когда вода не шумела. Мама сказала: «Мне кажется, бабушке очень одиноко, ты не думаешь?» Я ей ответил: «Мне кажется, всем людям одиноко». – «Но у бабушки нет ни мамы, ни таких друзей, как Даниэль и Джейк, ни хотя бы Бакминстера». – «Это правда». – «Может, ей нужен воображаемый друг». – «Но я – настоящий», – сказал я. «Да, и она любит, когда ты у нее бываешь. Но у тебя ведь есть еще школа, и друзья, и репетиции «Гамлета», и кружки...» – «Пожалуйста, не называй их кружками». – «Я только хотела сказать, что ты не можешь быть с ней постоянно. И еще ей, наверное, хочется, чтобы у нее был друг ее возраста». – «Откуда ты знаешь, что ее воображаемый друг старый?» – «Ты прав, я этого не знаю».

Она сказала: «Каждому человеку нужен друг». – «Это ты про Рона?» – «Нет. Это я про бабушку». – «Хотя, на самом деле, про Рона». – «Нет, Оскар. Не про Рона. И мне не нравится твой тон». – «Обычный тон». – «Не обычный, а инкриминирующий». – «Я даже не знаю, что значит «инкриминирующий», – как это может быть мой тон?» – «Ты хотел, чтобы мне стало стыдно за то, что у меня есть друг». – «Нет, не хотел». Она провела рукой с обручальным кольцом по своим волосам и сказала: «Ты знаешь, я действительно *говорила* только про бабушку, Оскар, но это правда. Мне тоже нужны друзья. Что в этом плохого?» Я пожал плечами. «Разве ты не думаешь, что и папе хотелось бы, чтобы у меня были друзья?» – «Обычный тон».

Бабушка живет в доме через дорогу. Мы на пятом этаже, а она на третьем, но разница практически незаметна. Иногда она мне пишет записки на окне, которые я читаю в бинокль, а однажды мы с папой потратили весь вечер, проектируя бумажный самолет, который можно

было бы запускать из нашей квартиры в ее. Стэн стоял на улице и подбирал наши неудавшиеся попытки. Я помню одну записку, которую она написала вскоре после того, как умер папа: «Не уходи».

Бабушка высунулась в окно и приложила рацию запредельно близко к губам, отчего у нее поплыл голос. «Ты в порядке? Прием?» – «Бабушка? Прием?» – «Да? Прием». – «Почему спички такие короткие? Прием». – «В каком смысле? Прием». – «Всегда кажется, что они сгорят целиком. Под конец все торопятся, а иногда даже обжигают пальцы. Прием». – «Я не специалист, – сказала она, как всегда принижая себя, прежде чем высказать свое мнение, – но я думаю, спички короткие для того, чтобы уместиться в кармане. Прием». – «Ага, – сказал я, балансируя подбородком на руке, а локтем на подоконнике. – Мне тоже так кажется. А что, если сделать карманы поглубже? Прием». – «Я в этом мало что смыслю, но думаю, что людям будет трудно доставать вещи, если сделать их очень глубокими.

Прием». – «Точно, – сказал я, меняя руки, потому что одна затекла. – А что если придумать переносной карман? Прием». – «Переносной карман? Прием». – «Ага. Он будет типа как носок, но только с липучкой снаружи, чтобы его можно было ко всему прицепить. Не совсем сумка, потому что он все-таки часть одежды, но и не совсем карман, потому что снаружи, и еще съемный, а в этом куча преимуществ: во-первых, из него легче перекладывать вещи, когда меняешь одежду, а во-вторых, в нем можно носить большие вещи, поскольку карман всегда можно отцепить и достать их даже из глубины. Прием». Она приложила руку к той стороне ночной рубашки, под которой сердце, и сказала: «Звучит на сто долларов. Прием». – «Переносной карман убережет много пальцев от обжигания короткими спичками, – сказал я, – и не даст потрескаться губам из-за короткого «Чапстика»²⁵. А кстати, почему шоколадные батончики такие маленькие? У тебя когда-нибудь было, чтобы ты один съела – и больше не захотелось? Прием». – «Мне нельзя шоколад, – сказала она. – Но я тебя прекрасно понимаю. Прием». – «В нем можно будет носить длинные расчески, чтобы их хватало сразу на весь пробор, и большие кармандаши». – «Кармандаши?» – «Карандаши для переносных карманов». – «Да-да». – «Большие кармандаши удобнее держать, когда у тебя пальцы, как мои – толстые, а еще можно было бы натренировать спасательных птиц, чтобы они использовали этот карман, как сранец». – «Я не поняла». – «Если его прицепить к *спасательному жилету из птичьего корма*».

«Оскар? Прием». – «Я в порядке. Прием». – «Почему ты не спишь, лапонька? Прием». – «В каком смысле? Прием». – «Почему ты не спишь? Прием?» – «Я скучаю по папе. Прием». – «Я тоже. Прием». – «Я очень по нему скучаю. Прием». – «И я. Прием». – «Все время. Прием». – «Все время. Прием». Я не мог ей объяснить, что скучаю по нему больше – больше, чем она, больше, чем все на свете, потому что я не мог рассказать ей про телефон. Эта тайна была дырой в моем сердце, в которую проваливалась любая радость. «Я тебе когда-нибудь рассказывала, как дедушка останавливался и гладил встречающих животных, всегда, даже если очень спешил? Прием?» – «Ты мне об этом рассказывала гуголплекс раз. Прием». – «А про то, как у него руки были такие огрубевшие и красные от скульптур, что иногда я ему говорила – в шутку, конечно, что это не он лепит скульптуры, а они его? Прием». – «Про это тоже. Но можешь по новой рассказать, если хочешь. Прием». Она рассказала по новой.

По улице, которая нас разделяла, проехала «Скорая», и я представил того, кто внутри, и что с ним случилось. Как он, типа, сломал лодыжку, выполняя навороченный трюк на скейтборде. Или как умирает от ожогов третьей степени, покрывающих девяносто процентов его тела.

А вдруг я его знаю? А вдруг кто-то смотрит на эту «Скорую» и думает, что внутри я?

²⁵ Лечебная защитная помада для губ.

Что если сделать прибор, распознающий всех, кого ты знаешь? Тогда у едущей по улице «Скорой» на крыше могла бы загораться надпись:

НЕ ВОЛНУЙСЯ! НЕ ВОЛНУЙСЯ!

если прибор того, кто внутри, не распознал приборы тех, кто снаружи. А если *распознал*, то на «Скорой» могло бы загораться имя того, кто внутри, и либо:

НИЧЕГО СЕРЬЕЗНОГО!

НИЧЕГО СЕРЬЕЗНОГО!

либо, если это что-то серьезное:

ЭТО СЕРЬЕЗНО! ЭТО СЕРЬЕЗНО!

Еще можно распределить всех, кого ты знаешь, по тому, как сильно их любишь, и если прибор того, кто в «Скорой», распознал прибор того, кого он больше всех любит, или того, кто больше всех любит его, и если у того, кто в «Скорой», по-настоящему тяжелая травма, и он может даже умереть, на «Скорой» могло бы загораться:

ПРОЩАЙ! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! ПРОЩАЙ!

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Еще может быть так, что кто-нибудь окажется первым номером в списках сразу многих людей, и когда он будет умирать, а «Скорая» – ехать по улицам в больницу, на ней постоянно будет гореть:

ПРОЩАЙ! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! ПРОЩАЙ!

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

«Бабушка? Прием?» – «Что, лапонька? Прием?» – «Если дедушка был такой хороший, почему он тогда от тебя ушел? Прием». Она сделала полшага назад и пропала из вида. «Он не хотел уходить. Ему просто пришлось. Прием». – «Но *почему* пришлось? Прием». – «Я не знаю. Прием». – «И ты не сердись? Прием». – «На него? За то, что он ушел? Прием». – «На себя. За то, что не знаешь, почему. Прием». – «Нет. Прием». – «И не расстраиваешься? Прием». – «Очень расстраиваюсь. Прием». – «Не отключайся», – сказал я, и подбежал к

своему походному набору, и схватил дедушкин фотик. Я подошел с ним к окну и щелкнул ее окно. Вспышка осветила улицу, которая нас разделяла.

10. Уолт 9. Линди 8. Алиша

Бабушка сказала: «Я только надеюсь, что ты никого не будешь любить так же сильно, как я тебя. Прием».

7. Фарлей

6. Минч/Тюбик (поровну)

5. Стэн

Я услышал, как она поцеловала кончики своих пальцев, а потом подула на них.

4. Бакминстер 3. Мама

Я тоже послал ей воздушный поцелуй.

2. Бабушка

«Отбой», – сказал кто-то из нас.

1. Папа

Нам нужны карманы побольше, размышляя я уже в постели, поджидая, когда истекут семь минут, необходимых нормальному человеку, чтобы заснуть. Нам нужны громаднейшие карманы – такие, чтобы в них умещались наши семьи, и наши друзья, и даже люди, которых нет в наших списках, незнакомые, которых мы все равно хотим защитить. Нам нужны карманы для муниципальных округов и целых городов, карманы, способные вместить всю Вселенную.

Восемь минут тридцать две секунды...

Но я знал, что карманы не бывают такими большими. В конце концов все потеряют всех. Нет такого изобретения, чтобы это предотвратить, и поэтому в ту ночь я чувствовал себя, как та самая последняя черепаха, на которой держались все остальные.

Двадцать одна минута, одиннадцать секунд...

Ну, а ключ я повесил на веревочку рядом с ключом от квартиры и носил, как кольцо.

Ну, а сам я не мог заснуть еще долго-долго. Бакминстер свернулся рядышком, и я поспрягал немного, чтобы не думать о другом.

Je suis

Tu es

Il/elle est

Nous sommes

Vous êtes

Ils/elles sont

Je suis

Tu es

Il/elle est

Nous

Ночью я проснулся только один раз, потому что Бакминстер положил мне лапы на веки. Он, наверное, почувствовал, что мне снятся кошмары.

Мои чувства

12 сентября 2003 года Дорогой Оскар!

Я пишу из аэропорта.

Мне так много нужно тебе сказать. Я хочу начать сначала, потому что другого ты не заслуживаешь. Я хочу рассказать тебе все, не пропуская ни одной мелочи. Но где начало? И что значит все?

Сейчас я старая, а когда-то была девчонка. Это правда. Я была, как ты. В мои обязанности входило доставать из почтового ящика почту. Однажды там оказалась записка. На ней был наш адрес, но не было имени адресата. Значит, она и мне, подумала я. Я ее развернула. Многие слова были вымараны из текста цензором.

14 января 1921 года

Получателю этого письма:

Меня зовут XXXXXXXX XXXXXXXXXXXX, и я XXXXXXXX в турецком исправительно-трудовом лагере, барак XX. Я знаю, что мне повезло XX XXXXXXXX, что я вообще жив. Я решил написать тебе, не зная, кто ты. Мои родители XXXXXXXX XXX. Мои братья и сестры XXXXXX XXXX, но главное XXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXX! Я пишу XXX XX XXXXXXXXXXXXXXXX каждый день с тех пор, как я здесь. Я обмениваю хлеб на марки, но ответа пока не получил. Я утешаю себя тем, что наши письма просто не отправляются.

XXX XX XXXXXXXX, или хотя бы XXX XXXXXXXXXXXX?

XX XXXXXX X XX на протяжении XXXXXX XX.

XXX XXX XX XXXXXX и XXXXXX XX XXXXXXXXXXX XXX, но ни разу XXX XX XXXXXXXX, XXXXXXXXXXXXXXXX XXX XXXXXX кошмаре?

XXX XXX, XX XXXXXX XX XXXXXXXXXXXX! XXXXXX XX XXX XX XXX XXXXXXXXXXXX написать мне пару слов, я буду признателен до небес. Некоторые из XXXXXXXX XXXX получают почту, поэтому я знаю, что XX XX XXXXXXXXXXXX. Пожалуйста, вложи свое фото и напиши, как тебя зовут. Ничего не забудь.

С огромной надеждой Искренне твой,

XXXXXXXXXXXXXXXX

Я примчалась с письмом к себе в комнату. Я спрятала его под матрас. Я никогда не сказала о нем ни отцу, ни матери. Много ночей подряд я не могла уснуть, строя догадки. За что его отправили в турецкий исправительно-трудовой лагерь? Почему письмо пришло через пятнадцать лет после того, как он его написал? Где оно находилось все эти годы? Почему никто ему не ответил? Он ведь сказал, что другие получают почту. Почему он отправил письмо нам? Откуда он знает название моей улицы? Откуда он знает про Дрезден? Где он выучил немецкий? Что с ним стало потом?

Я попробовала составить его портрет по письму. Слова были совсем простые. Хлеб всегда значит хлеб. Почта есть почта. Огромная надежда – это огромная надежда, и ничего больше. Но еще был почерк.

И вот я попросила отца, твоего прадеда, которого считала самым лучшим, самым добрым человеком на свете, написать мне письмо. Я сказала, что неважно, о чем оно будет. Только напиши, – сказала я. Что угодно.

Родная моя!

Ты хотела, чтобы я написал тебе письмо, и вот я пишу тебе письмо. Я понятия не имею, ни зачем его пишу, ни о чем мне следует написать, но это

все равно, потому что я слишком тебя люблю и уверен, что ты попросила из лучших побуждений. Надеюсь, что когда-нибудь и тебе доведется узнать, как приятно сделать для любимого то, чего сам не понимаешь.

Твой отец

Ничего, кроме этого письма, у меня от отца не осталось. Даже фотографии.

Дальше я пошла в тюрьму. Мой дядя был там охранником. Мне удалось заполучить образец почерка убийцы. Дядя попросил его написать ходатайство о досрочном освобождении. Это была злая шутка.

В Тюремное управление:

Меня зовут Курт Шлютер. Я заключенный номер 24 922. Сюда в тюрьму меня поместили несколько лет назад. Когда точно, не знаю. Календарей у нас нет. Я рисую на стене линии мелом. Но во время дождя дождь попадает в окно, когда я сплю. И когда я встаю, линий нет. Поэтому я точно не знаю, сколько прошло. Я убил брата. Раскроил ему голову лопатой. Потом, после, той же лопатой я закопал его в саду. Земля была красная. Над тем местом в траве, над ним, лез сорняк. Я часто вставал по ночам на колени и выдираю его, чтобы никто не узнал.

Я сделал страшную вещь. Я верю в загробную жизнь. Я знаю, что сделанного не воротишь. Жаль, что прожитые дни нельзя смыть так же просто, как меловые линии прожитых дней. Я постарался исправиться. Я помогаю другим заключенным выполнять их обязанности.

Я теперь терпелив.

Вам это, может, и все равно, но у брата был роман с моей женой. Жену я не убил. Я хочу к ней вернуться, потому что простил ее.

Если вы меня освободите, я буду добропорядочным, тихим и неприметным.

Прошу вас рассмотреть мое ходатайство.

Курт Шлютер, заключенный № 24 922

Позднее дядя сказал мне, что этот заключенный пробыл в тюрьме больше сорока лет. Он вошел в нее юношей. А когда писал мне письмо, был старым и сломленным. Его жена вторично вышла замуж. У нее были дети и внуки. Хоть он мне этого и не говорил, я догадалась, что дядя дружил с заключенным. Он тоже потерял жену и тоже был в тюрьме. Он мне этого не говорил, но я поняла по голосу, что он заботится о заключенном. Они охраняли друг друга. И когда через несколько лет я спросила у дяди, что стало с тем заключенным, дядя сказал, что он все еще в тюрьме. Он продолжал писать письма в управление. Он продолжал казнить себя и прощать жену, не подозревая, что пишет в пустоту. Дядя брал письма, обещая, что они будут доставлены. Но они оставались у него. Все ящики его комода были ими забиты. Помню, я однажды подумала, что одно это способно толкнуть человека на самоубийство. Я оказалась права. Мой дядя, твой двоюродный прадед, покончил с собой. Конечно, я допускаю, что заключенный не имел к этому никакого отношения.

Три письма уже можно было сравнить. Я, по крайней мере, увидела, что почерк осужденного на принудительные работы больше похож на почерк моего отца, чем на почерк убийцы. Но я поняла, что мне понадобятся еще письма. Чем больше, тем лучше.

Тогда я пошла к своему учителю музыки. Мне всегда хотелось его поцеловать, но я боялась, что он меня засмеет. Я попросила его написать письмо. А потом попросила сестру моей матери. Она любила танцевальную музыку, но терпеть не могла танцевать.

Я попросила свою одноклассницу Мэри написать мне письмо. Она была смешная и неумная. Когда родителей не было, ей нравилось носиться по всему дому раздетой даже

и в более старшем возрасте. Ее ничто не смущало. Я ей так завидовала, потому что сама все время смущалась и страдала от этого. Она обожала скакать на постели. Она скакала столько лет, что однажды на моих глазах на матрасе разошлись швы. Небольшая комната заполнилась перьями. Наш смех не давал им осесть. Я подумала про птиц. Смогли бы они летать, если бы никто нигде не смеялся?

Я пошла к бабушке, твоей прапрабабушке, и попросила написать мне письмо. Это была мамина мама. Мать матери матери твоего отца. Я ее почти не знала. Мне и не хотелось ее знать. Кому нужно прошлое, думала я, как всякий ребенок. Я не предполагала, что прошлому могу быть нужна я.

Какого рода письмо? – спросила бабушка.

Я сказала, чтобы она написала все, что захочет.

Ты хочешь от меня письмо? – спросила она.

Я сказала да.

Дай тебе Бог здоровья, – сказала она.

Письмо, которое она мне дала, было на шестидесяти семи страницах. Это была история ее жизни. Мою просьбу к ней она превратила в свою просьбу ко мне. Слушай меня.

Я столько всего для себя открыла. В юности она пела. Девочкой побывала в Америке. Я об этом не знала. Она так часто влюблялась, что начала сомневаться, влюбляется ли вообще или с ней происходит что-то более прозаическое. Я узнала, что она так и не научилась плавать и поэтому всегда любила реки и озера. Она попросила отца, моего прадеда, твоего прапрадеда, купить ей голубку. А он купил ей косынку. Тогда она представила, что косынка – это голубка. Она даже убедила себя, что косынка умеет летать, но не летает, чтобы никто не узнал, кто она на самом деле. Вот как она любила своего отца.

Письмо погубило, но его заключительные строчки навсегда остались со мной.

Она написала: я бы хотела снова стать девочкой, и чтобы вся жизнь снова была впереди. Я страдала чаще, чем следовало. А радости, которые мне выпали, не всегда радовали. Теперь я бы прожила иначе. Когда я была в твоём возрасте, дедушка купил мне рубиновый браслет. Он был большой и болтался на запястье. Не браслет, а целое ожерелье. Позднее дедушка признавался, что специально просил ювелира сделать его таким. Он хотел, чтобы размер браслета был символом его любви. Большие рубинов – больше любви. Но носить его было мукой. Я вообще его не носила. И вот главное, что я хочу тебе сказать. Если я решу подарить тебе браслет, я сперва дважды измерю твое запястье.

С любовью

Твоя бабушка

У меня были письма от всех моих знакомых. Я разложила их на полу своей спальни и попробовала систематизировать. Ровно сто писем. Я постоянно перекладывала их из одной стопки в другую, отыскивая связи. Я хотела понять.

Через семь лет вновь возник один знакомый из детства, и как раз когда я больше всего в нем нуждалась. Я была в Америке всего пару месяцев. Жила на пособие агентства, но скоро предстояло начать зарабатывать самой. Я понятия не имела, чем буду зарабатывать. Целыми днями читала газеты и журналы. Хотела выучить идиомы. Хотела стать настоящей американкой. Перемывать кости. Выпускать пар. Без пяти минут в яблочко. Всплывать в памяти. Наверное, я звучала нелепо. А хотелось звучать естественно. Я махнула на это рукой.

Я его не видела с тех пор, как все потеряла. Я о нем не вспоминала. Он дружил с моей старшей сестрой Анной. Однажды я случайно увидела, как они целуются в поле за сараем на задворках нашего дома. Я так возбудилась. Показалось, что это я с ним целуюсь. Я еще

никогда не целовалась. Но возбудилась больше, чем если бы целовалась сама. Дом у нас был небольшой. Мы с Анной спали в одной постели. Ночью я ей обо всем рассказала. Она взяла с меня слово никому об этом не говорить. Я обещала.

Она сказала: Почему я должна тебе верить?

Я хотела сказать: Потому что это перестанет быть только моим, если я кому-нибудь расскажу. Я сказала: Потому что я твоя сестра.

Спасибо.

Можно я буду смотреть, как вы целуетесь?

Можно ты будешь смотреть, как мы целуемся?

Ты мне заранее говори, где вы собираетесь целоваться, а я буду там прятаться и смотреть. Ее смех удержал бы в небе целую стаю птиц. Так она сказала мне да.

Иногда это происходило в поле за сараем на задворках нашего дома. Иногда за каменной оградой во дворе школы. Всегда за чем-нибудь. Я гадала, сказала ли она ему. Я гадала, чувствует ли она, как я на них смотрю, возбуждает ли ее это.

Почему я напросилась смотреть? Почему она согласилась?

Я и к нему обращалась, когда пыталась разузнать про осужденного на принудительные работы. Я ко всем обращалась.

Прелестной младшей сестричке Анны:

Вот письмо, о котором ты просила. Во мне почти два метра роста. У меня карие глаза. Многие считают, что у меня громадные руки. Я хочу быть скульптором и хочу жениться на твоей сестре. Других желаний у меня нет. Я могу написать еще, но это самое важное.

Твой друг Томас

Через семь лет я вошла в булочную – а там он. У его ног лежали собаки, а сбоку стояла клетка с какой-то птицей. Эти семь лет были не как семь лет. Но и не как семьсот лет. Их протяженность не измерить годами, как океаном не объяснить путь, который мы проделали, как всех мертвых не сосчитать. Мне захотелось убежать от него и захотелось подойти к нему. Я подошла.

Ты Томас? – спросила я.

Он покачал головой – нет.

Томас, – сказала я. Я уверена.

Он покачал головой – нет.

Из Дрездена.

Он показал мне правую ладонь с татуировкой НЕТ.

Я тебя помню. Я подсматривала, как ты целуешься с моей сестрой.

Он достал маленькую книжцу и написал: Я не говорю. Прости.

Я расплакалась. Он утер мне слезы. Но так и не признал, что он – это он. Никогда не признал.

Мы провели вместе вечер. Все время хотелось к нему прикоснуться. Я так давно его не видела, и он пробудил во мне такую жалость. Семь лет назад он был великаном, а теперь казался маленьким. Я хотела отдать ему деньги, которые мне дали в агентстве. Я не спешила рассказывать о себе, но жаждала знать о нем. Мне хотелось оберегать его, и я была уверена, что смогу, хотя сама была беззащитной.

Я спросила: Ты стал скульптором, как мечтал?

Он показал мне правую ладонь, и наступило молчание.

Нам столько нужно было друг другу сказать, но мы не знали, как.

Он написал: Ты в порядке?

Я сказала: У меня глаза паршивят.

Он написал: Но ты в порядке?

Я сказала: Это очень сложный вопрос.

Он написал: Это очень простой ответ.

Я спросила: Ты в порядке?

Он написал: Бывают дни, когда я просыпаюсь с чувством благодарности.

Мы еще долго говорили, но лишь снова и снова повторяли одно и то же.

Наши чашки опустели.

День опустел.

Я ощущала одиночество сильнее, чем если бы была одна. Мы собирались разойтись в разные стороны. Мы ничего другого не умели.

Уже поздно, – сказала я.

Он показал мне левую ладонь с татуировкой ДА. Я сказала: Мне, наверное, пора.

Он отлистнул назад несколько страниц в своей книжице и указал на: Ты в порядке?

Я кивнула, что да.

Я направилась к выходу. Я решила идти к Гудзону и идти дальше. По пути я бы подобрала камень потяжелее – и пусть вода заполнит мне легкие.

Вдруг я услышала, как он хлопнул в ладоши у меня за спиной.

Я обернулась, и он жестом подозвал меня к себе.

Мне захотелось убежать от него и захотелось подойти к нему.

Я подошла.

Он спросил, могу ли я ему попозировать. Он написал свой вопрос по-немецки, и я только тогда осознала, что все это время он писал по-английски, и я говорила по-английски. Да, – сказала я по-немецки. Да. Мы договорились на завтра.

Его квартира была как зоопарк. Повсюду звери. Собаки и кошки. Дюжина птичьих клеток. Аквариум. Стекланный куб со змеями, ящерицами и насекомыми. Мыши в клетках, чтобы их не съели коты. Просто Ноев ковчег.

Но в одном углу была чистота и порядок.

Он сказал, что он специально отделил это место. Для чего?

Для скульптур.

Я хотела спросить, от чего или от кого он его отделил, но не спросила.

Он провел меня за руку. Полчаса мы обсуждали его замысел. Я сказала, что готова на все.

Мы выпили кофе.

Он написал, что еще не делал скульптур в Америке.

Почему не делал?

Не мог.

Почему не мог?

Мы никогда не говорили о прошлом.

Он открыл задвижку дымохода – я не знала, зачем.

В соседней комнате щебетали птицы.

Я сняла одежду.

Я легла на диван.

Он стал на меня смотреть. Я впервые была обнаженной перед мужчиной. Интересно, знал ли он об этом?

Он подошел и стал двигать мое тело, как будто я была куклой. Он заложил мне руки за голову. Он слегка согнул в колене мою правую ногу. Я решила, что его руки огрубели от скульптур, которые он лепил раньше. Он опустил мой подбородок. Он развернул мои кисти ладонями вверх. Его взгляд залатал дыру в самом центре моего существа.

На следующий день я пришла опять. И на следующий. Я перестала искать работу. Его взгляд – единственное, что имело значение. Ради него я всем была готова пожертвовать.

Каждый раз все повторялось.

Он говорил о своем замысле.

Я говорила, что сделаю все, что он скажет.

Мы пили кофе.

Мы никогда не говорили о прошлом.

Он открывал задвижку дымохода.

В соседней комнате щебетали птицы.

Я раздевалась.

Он придавал мне позу.

Он меня лепил.

Порой я думаю о тех ста письмах, что остались разложенными на полу моей спальни. Если бы не они, может, наш дом не горел бы так ярко? По окончании сеансов я смотрела на скульптуру. Он уходил кормить животных. Он давал мне возможность побыть с ней наедине, хотя я никогда не просила его об этом. Он понимал.

Почти сразу стало очевидно, что он лепит Анну. Он пытался воспроизвести ту девочку семилетней давности. Он лепил, глядя на меня, а видел ее. Поиск позы занимал все больше и больше времени. Он трогал меня везде. Он меня переключал. Он потратил целых десять минут, сгибая и разгибая мое колено. Он складывал и выпрямлял мои руки.

Надеюсь, это тебя не смущает, – написал он по-немецки в своей книжнице.

Нет, – сказала я по-немецки. – Нет.

Он сложил мою руку. Он распрямил мою руку. На следующей неделе он возился с моей прической – не то пять, не то пятьдесят минут.

Он написал: Я ищу приемлемый компромисс.

Как он не умер в тот вечер, хотела бы я знать.

Он коснулся моих грудей, разведя их в стороны.

Мне кажется, так хорошо, – написал он.

Что хорошо, хотела бы я знать. И чем это лучше?

Его руки были повсюду. Я рассказываю тебе об этих вещах, потому что я их не стесняюсь, потому что они для меня важны. И я не сомневаюсь, что ты меня поймешь. Ты единственный, в ком я не сомневаюсь, Оскар.

Поиск позы и был лепкой. Он лепил меня. Он пытался сделать меня той, которую смог бы любить.

Он раздвинул мне ноги. Его ладони прижались к моим бедрам изнутри. Мои бедра прижались к его ладоням снаружи. Он надавил.

В соседней комнате щебетали птицы.

Мы искали приемлемый компромисс.

На следующей неделе он размял тыльные стороны моих ног, а еще через неделю лег сзади. Я впервые занималась любовью. Интересно, знал ли он об этом? Это было все равно как плакать. Я подумала: Зачем люди вообще занимаются любовью?

Я смотрела на недолепленную скульптуру своей сестры, а недолепленная девочка смотрела на меня. Зачем люди вообще занимаются любовью?

Мы вместе дошли до булочной, в которой первый раз встретились.

Вместе, но порознь.

Мы сели за столик. По одну сторону, лицом к окнам.

Меня не волновало, сможет ли он меня полюбить. Меня волновало, сможет ли он во мне нуждаться. Я нашла в его книжнице чистую страницу и написала: Пожалуйста, женись на мне.

Он посмотрел на свои руки.

ДА и НЕТ.

Зачем люди вообще занимаются любовью?

Он взял ручку и написал на следующей и последней странице: Никаких детей.

Это было наше первое правило.

Поняла, – сказала я по-английски.

Больше мы по-немецки не говорили.

На другой день мы с твоим дедушкой поженились.

Единственное животное

Я прочел первую главу «Краткой истории времени», когда папа был еще жив, и у меня возникли запредельно тяжелые гири на сердце от того, как, в сущности, мало значит человеческая жизнь и как в сравнении со Вселенной и в сравнении с вечностью вообще не важно, что я существую. Когда в ту ночь папа укладывал меня спать и мы обсуждали книгу, я спросил, знает ли он решение этой задачи. «Какой задачи?» – «Того, что наша жизнь так мало значит». Он сказал: «Ну, смотри: что будет, если самолет сбросит тебя посреди пустыни Сахара, и ты возьмешь пинцетом одну песчинку и сдвинешь ее на один миллиметр?» – «Вероятно, я умру от обезвоживания». Он сказал: «Я имею в виду, в тот момент, когда ты сдвинешь песчинку. Что это будет означать?» Я сказал: «Без понятия, а что?» Он сказал: «Подумай». Я подумал. «Ну, типа, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует?» – «Из чего следует, что я сдвинул песчинку». – «Из чего следует, что ты изменил Сахару». – «И что?» – «Что? А то, что Сахара – громаднейшая пустыня. Она существует десятки миллионов лет. А ты ее изменил!» – «Вот это да! – сказал я, садясь на кровати. – Я изменил Сахару». – «Из чего следует?» – сказал он. «Что? Ну, скажи». – «И я ведь не говорю о том, чтобы нарисовать «Мону Лизу» или найти лекарство от рака. Я говорю всего лишь о том, чтобы сдвинуть одну песчинку на один миллиметр». – «Ага?» – «Если бы ты этого *не сделал*, история человечества пошла бы по одному пути...» – «Угу?» – «Но ты это *сделал*, и поэтому...» Я встал во весь рост, указал пальцами на фальшивые звезды и крикнул: «Я изменил ход истории человечества!» – «Вот именно». – «Я изменил Вселенную!» – «Точно». – «Я Бог!» – «Ты атеист». – «Меня не существует!» Я плюхнулся обратно в кровать, к нему в охапку, и мы вместе раскололись.

Что-то типа этого я почувствовал, когда решил обойти всех жителей Нью-Йорка с фамилией Блэк. Может, в сравнении с вечностью и Вселенной это было ничто, но для меня это была задача, а задача мне необходима, как акулам, которые умирают, если не плавают, о чем мне известно.

Ладно.

Я решил, что пойду по именам в алфавитном порядке, от Аарона к Яне, хотя ясно, что ходить по географическим зонам было бы эффективнее. Что я еще решил, так это изо всех сил скрывать правду о своем намерении дома, и не скрывать ее не дома, потому что так надо. Поэтому, если мама спросит: «Куда ты и когда вернешься?», я буду отвечать: «По делам, позже». Но если какой-нибудь Блэк захочет что-нибудь узнать, я расскажу ему все. У меня были еще правила: не быть сексистом, или расистом, или гомофобом, или плаксой, не дискриминировать против пожилых, инвалидов и дегенераторов и не обманывать без повода, чем я занимался постоянно. Я приготовил специальный походный набор, куда вошли вещи первой необходимости, типа карманный фонарик «Магнум», «Чапстик», несколько печений «Фиг Ньютонз»²⁶, целлофановые пакеты для мусора и важных вещественных доказательств, мобильник, инсценировка «Гамлета» (чтобы заучивать ремарки по дороге из одного места в другое, потому что у меня роль без слов), топографическая карта Нью-Йорка, ампулы с йодом на случай грязной бомбы, мои белые перчатки – само собой, две упаковки сока «Джюси Джюс»²⁷, увеличительное стекло, «Карманный словарь Ларусса» и еще куча всего полезного. Пора было идти.

Когда я выходил, Стэн сказал: «День-то какой!» Я сказал: «Ага». Он спросил: «Какие планы?» Я показал ему ключ. Он сказал: «Скважные?» Я сказал: «Очень остроумно». Он покачал головой и сказал: «Не мог удержаться. Так какие все-таки планы?» – «Квинс и

²⁶ Особый вид высококалорийного мягкого печенья с начинкой из протертого инжира.

²⁷ Сок в маленьких упаковках.

Гринвич Вилидж». – «Ты хотел сказать *Грэ*-нич Вилидж²⁸?» Это было первое разочарование экспедиции: я-то думал, что Greenwich произносится фонетически и, значит, в нем есть «green»²⁹, потому что тогда это был бы обалденный ключ. «Ну, типа».

На то, чтобы дойти до Аарона Блэка, у меня ушло три часа и сорок одна минута, потому что общественный транспорт меня напрягает, хотя и переходить мосты – тоже. Папа говорил, что иногда приходится выбирать, что тебя напрягает меньше, и это был один из таких разов. Я пересек Амстердам авеню, Коламбус авеню, Центральный парк, Пятую авеню, Мэдисон авеню, Парк авеню, Лексингтон авеню, Третью авеню и Вторую авеню. Когда я был ровно посередине Моста Пятьдесят девятой улицы³⁰, я подумал о том, как всего в миллиметре за мной Манхэттен, а всего в миллиметре передо мной – Квинс. А как называются части Нью-Йорка – ровно на полпути через Мидтаунский тоннель³¹, ровно на полпути через Бруклинский мост³², в самом центре Статенайлендского парома³³, когда он ровно посередине между Манхэттеном и Статен Айлендом, – которые не относятся ни к какому округу?

---

²⁸ Известный артистический район в Манхэттене, который, если следовать правилам правописания, должен произноситься как «Гринвич», однако в Нью-Йорке его называют «Грэнич».

²⁹ «Зеленый».

³⁰ Этот мост через Ист-Ривер более известен под названием «Квинсборо», так как соединяет Манхэттен с Квинсом. В Манхэттене он начинается от 59-й улицы, отсюда его второе название.

³¹ Проложен под рекой Ист-Ривер в районе 34-й улицы и, как и мост, по которому идет Оскар, соединяет Манхэттен с Квинсом.

³² Самый старый мост Нью-Йорка соединяет Манхэттен с Бруклином.

³³ Паром регулярно курсирует между Манхэттеном и островом Статен Айленд – пятым муниципальным округом Нью-Йорка.

Я сделал шаг вперед – и впервые оказался в Квинсе.

Я прошел через Лонг Айленд Сити, Вудсайд, Элмхерст и Джексон Хайтс³⁴. Я все время тряс тамбурином, потому что это помогало мне не забыть, что хоть районы вокруг и разные, иду по ним прежний я. Когда я, наконец, дошел до нужного дома, то никак не мог понять, куда подевался швейцар. Сначала я подумал, что он отлучился за кофе, но прошло несколько

---

³⁴ Название районов в Квинсе.

минут, а его все не было. Я заглянул внутрь сквозь стеклянную дверь и увидел, что в парадном нет его стойки. Я подумал: *Странно.*

Я попробовал вставить мой ключ в замочную скважину, но вставился только самый кончик. Я увидел устройство с кнопками для квартир и нажал на кнопку квартиры А. Блэка с номером 9Е. Никто не ответил. Я снова нажал. Ничего. Я нажал на кнопку и держал ее пятнадцать секунд. Опять ничего. Я сел на пол и подумал, что вряд ли буду считаться плаксою, если немного пореву в подъезде жилого дома в Короне³⁵.

«Ну, ладно, ладно, – сказал голос из динамика. – Раззвонились». Я аж подпрыгнул. «Здравствуйте, – сказал я, – меня зовут Оскар Шелл». – «Что ты хочешь?» Голос звучал раздраженно, хотя я ничего плохого не сделал. «Вы знали Томаса Шелла?» – «Нет». – «Вы уверены?» – «Да». – «Вы знаете что-нибудь про ключ?» – «Что ты хочешь?» – «Я ничего плохого не сделал». – «Что ты хочешь?» – «Я нашел ключ, – сказал я. – И он был в конверте с вашим именем». – «Аарон Блэк?» – «Нет, просто Блэк». – «Это расхожая фамилия». – «Я знаю». – «И к тому же цвет». – «Само собой». – «Всего хорошего», – произнес голос. «Но я только хочу узнать про ключ». – «Всего хорошего». – «Но...» – «Всего хорошего». Разочарование № 2.

Я сел на пол и заревел в подъезде жилого дома в Короне. Мне захотелось нажать сразу на все кнопки и обругать всех, кто жил в этом дебильном доме. Мне захотелось наставить себе синяков. Я встал и снова нажал на 9Е. На этот раз голос отозвался мгновенно. «Что. Ты. Хочешь?» Я сказал: «Томас Шелл был моим папой». – «И что?» – «*Был.* Не *есть.* Он мертв». Голос ничего не сказал, но я знал, что наверху продолжают жать на кнопку «Говорите», потому что оттуда доносились гудки, и стекла позвякивали от ветра, который и меня обдувал. Он спросил: «Сколько тебе лет?» Я сказал семь, потому что хотел лучше его разжалобить, чтобы он мне помог. Ложь № 34. «Мой папа мертв», – сказал я. «Мертв?» – «Бездыханен». Он ничего не сказал. Я опять услышал гудки. Мы стояли лицом к лицу, только с разницей в девять этажей. Наконец, он сказал: «Он, должно быть, молодым умер». – «Ага». – «Сколько ему было?» – «Сорок». – «Совсем молодой» – «Да». – «Могу я спросить, от чего?»

Мне не хотелось об этом говорить, но я вспомнил данное себе обещание и поэтому рассказал все. Я опять услышал гудки и удивился, как у него не устают пальцы. Он сказал: «Если ты поднимешься, я посмотрю на этот ключ». – «Я не могу подняться». – «Почему не можешь?» – «Потому что вы на девятом этаже, а я так высоко не поднимаюсь». – «Почему нет?» – «Это небезопасно». – «Здесь совершенно безопасно». – «Пока что-нибудь не произойдет». – «Ничего тут с тобой не произойдет». – «Это правило». – «Я бы и сам спустился, – сказал он, – но не могу». – «Почему не можете?» – «Я очень болен». – «А мой папа мертв». – «Я подключен к аппаратам. До домофона – и то с трудом добрался». Если бы можно было все повторить, я бы все повторил по-другому. Но ничего повторить нельзя. Я слышал, как голос говорит: «Алло? Алло? Пожалуйста». Я просунул под дверь подъезда свою визитку и припустил со всех ног.

Абби Блэк жила в квартире № 1 особнячка на улице Бедфорд. На то, чтобы до него дойти, у меня ушло два часа и двадцать три минуты, и рука, которой я тряс тамбурины, буквально отваливалась. Небольшая табличка над входной дверью извещала, что раньше в этом доме проживал поэт Эдна Сент-Винсент Миллей и что это был самый узкий дом в Нью-Йорке. Я не знал, был ли Эдна Сент-Винсент Миллей поэт-мужчина или поэт-женщина. Я попробовал вставить в скважину ключ, и он вошел наполовину, но потом застрял. Я постучал. Никто не ответил, хотя я слышал, что за дверью разговаривают, и понимал, что квартира № 1 должна быть на первом этаже, поэтому постучал снова. Придется их доставать, раз это необходимо.

³⁵ Жилой район в Квинсе.

Женщина приоткрыла дверь и сказала: «Я тебя слушаю». Она была запредельно красивая, и лицо, как у мамы (казалось, что оно улыбается, хоть она и не улыбалась), и громадные сиськи. Мне особенно понравилось, как ее сережки иногда стучаются о шею. Я вдруг даже пожалел, что не принес ей никакого изобретения и что поэтому у нее нет повода меня полюбить. Пусть бы даже какую-нибудь чепуху, вроде фосфористой брошки.

«Здрасьте». – «Здравствуй». – «Вы Абби Блэк?» – «Да». – «Я Оскар Шелл». – «Здравствуй». – «Здрасьте». Я сказал: «Вам, конечно, постоянно об этом говорят, но если посмотреть в словаре на слово «запредельная красота», там будет ваше фото». Она немного раскололась и сказала: «Мне никогда об этом не говорят». – «Спорим, что говорят». Она раскололась сильнее. «Не говорят». – «Значит, вы с кем-то не тем общаетесь». – «Тут ты, похоже, прав». – «Потому что вы запредельно красивая».

Она приоткрыла дверь пошире. Я спросил: «Вы знали Томаса Шелла?» – «Кого?» – «Томаса Шелла?» Она задумалась. Я задумался, почему ей понадобилось задуматься. «Нет». – «Вы уверены?» – «Да». В том, как она сказала, что уверена, была какая-то неуверенность, и я подумал, что, возможно, она хочет что-то скрыть. Интересно, что? Я протянул ей конверт и сказал: «Вам это ни о чем не напоминает?» Она на него долго смотрела. «Кажется, нет. А должно?» – «Только если напоминает», – сказал я. «Нет», – сказала она. Я ей не поверил.

«Ничего, если я войду?» – спросил я. «Сейчас это не очень кстати». – «Почему нет?» – «Мне нужно кое-что доделать». – «Что доделать?» – «Разве я обязана давать тебе отчет?» – «Это риторический вопрос?» – «Да». – «Вы работаете?» – «Да». – «Кем?» – «Я эпидемиолог». – «Изучаете болезни». – «Да». – «Обалдеть». – «Послушай, я не знаю, зачем ты пришел, но если из-за конверта, то совершенно точно не смогу тебе помочь». – «Я жутко пить хочу», – сказал я, дотрагиваясь до горла, потому что это универсальный знак жажды. «Здесь прямо за углом магазин». – «Вообще-то, у меня диабет, и мне сахар нужен до зарезу». Ложь № 35. «Ты хочешь сказать позарез». – «Ну, типа».

Я врал не потому, что хотел, и не потому, что верил, будто про будущее можно узнать до того, как оно произойдет, – мне просто приспичило попасть к ней в квартиру. Чтобы искупить обман, я дал себе слово, что как только получу прибавку к своим карманным расходам, тут же сделаю взнос на нужды тех, кто *по-настоящему* страдает диабетом. Она шумно вздохнула – ну, типа, запредельно раздражена, – но, с другой стороны, не сказала, чтобы я уходил. Мужской голос прокричал что-то изнутри квартиры. «Апельсиновый сок будешь?» – спросила она. «А кофе у вас есть?» – «Идем», – сказала она и пошла внутрь. «А немолочные сливки?»

Я шел и осматривался по дороге, и всюду была чистота и порядок. На стенах висели чумовые фотки, и на одной была афроамериканка с голой ПЗ, отчего я закомплексовал. «А где подушки от этого дивана?» – «Он без подушек». – «А это что?» – «Ты про картину?» – «У вас чем-то вкусненьким пахнет». Мужчина в другой комнате опять позвал, на этот раз жутко громко, почти отчаянно, но она не прореагировала, как будто не слышала, или ей было все равно.

Я потрогал разные вещи у нее на кухне, и от этого мне почему-то стало спокойнее. Я провел пальцем по верху ее микроволновки, и он стал серым. «*Ń'est sale*», – сказал я, показывая ей палец и раскалываясь. Ее это жутко напрягло. «Какой позор», – сказала она. «Вы моей лаборатории не видели», – сказал я. «Откуда только берется», – сказала она. «Вещи пачкаются». – «Я слежу за чистотой. У меня женщина каждую неделю убирается. Я ей миллион раз говорила всюду вытирать. Специально на это место показывала». Я спросил, почему она так расстраивается из-за пустяка. Она сказала: «Для меня это не пустяк», и я подумал про песчинку, передвинутую на один миллиметр. Я вынул влажную салфетку из своего походного набора и протер микроволновку.

«Вот вы эпидемиолог, – сказал я, – а знаете, что домашняя пыль на семьдесят процентов состоит из мельчайших частиц нашего эпидермиса?» – «Нет, – сказала она, – не знаю». – «Я эпидемиолог-любитель». – «Это большая редкость». – «Ага. И я провел один довольно-таки обалденный эксперимент, попросив Фелиза весь год собирать пыль из нашей квартиры в отдельный пакет. Потом я его взвесил. Он весил 51 килограмм. Потом я подсчитал, что

семьдесят процентов от 51 килограмма – это 35,7 килограмма. Я вешу 34,5 килограмма, или 35,3, если в мокрой одежде. Это, конечно, ничего не доказывает, но прикольно. Куда это можно выбросить?» – «Сюда», – сказала она, забирая у меня влажную салфетку. Я спросил: «Почему вы грустная?» – «Что?» – «Вы грустная. Почему?»

Забулькала кофеварка. Она открыла шкафчик и достала кружку. «Тебе с сахаром?» Я сказал да, потому что папа всегда пил с сахаром. Не успела она сесть, как тут же встала и вынула из холодильника вазочку с виноградом. Еще она достала печенье и положила его на тарелку. «Ты любишь клубнику?» – спросила она. «Да, – сказал я, – только я не голоден». Она достала немного клубники. Мне показалось странным, что на ее холодильнике нет ни меню, ни магниток, ни детских фото. Из фенечек во всей кухне была только фотка слона на стене рядом с телефоном. «Обожаю», – сказал я, и не только потому, что хотел ей понравиться. «Что обожаешь?» – спросила она. Я показал на фотку. «Спасибо, – сказала она. – Я тоже ее люблю». – «Я сказал, не люблю, а *обожаю*». – «Да. И я *обожаю*».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.